

В. Разумный

**ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ
ИЛИ
ОШИБКА ПРИРОДЫ**

/эквитизм vers. йехуизм: theatrum mundi/

Магия классификации

Yiehu–bestia или йехуисты–бестиарии

Yiehu-aurea mediocritas или сплоченная посредственность

МОСКВА 2002

СОДЕРЖАНИЕ:

МАГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ	3
ΥΙΕΝΥ–BESTIA ИЛИ ЙЕХУИСТЫ–БЕСТИАРИИ	9
ΥΙΕΝΥ–AUREA MEDIOCRITAS ИЛИ СПЛОЧЕННАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ	35

МАГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Поиск истины (безотносительно к ее исторически откристиаллизировавшейся форме, будь то наука, искусство либо вероучение) неизбежно проходит фундаментальные и всеобщие этапы движения Мирового разума, что дает основание трактовать их как некоторую изначальную данность мятущегося в сумбурном мире человеческого духа. Нам пока не дано постигнуть первопричину этой данности в той же мере, как познать тайну математического ряда 1,2,3 и т. д. А посему мы способны лишь использовать ее чисто прагматически в любом претендующем на сколь-либо широкое и достоверное обобщение поиске истины.

Первый этап движения Мирового разума всегда и повсеместно – операционная деятельность по **классификации всего сущего**, без которой не мог бы появиться Человек как природное новообразование. Разделение и группировка явлений и процессов по сходным в определенном, практикой подсказываемом отношении признакам – животворный источник трудовой деятельности и духовного творчества на любом уровне цивилизации. Наш отдаленный предок (безотносительно к тому, где он возник – на маленькой, затерянной в просторах мироздания планете под условным названием Земля либо еще где-либо в беспредельном космосе) постиг отличие ножей от скребков, игл от наконечников стрел, бус от удобной удавки. Созидая новый, человеческий предметный мир, его формы, которые мы ныне лишь совершенствуем, то, что ныне мы весьма фривольно и амбициозно называем второй природой, а себя безосновательно именуем ее Творцами, он одновременно творил и мир понятийный, и образный его аналог в реальной форме и изображении, и неподвластный уму и чувствам мир верований. В этом триединном по структуре духовном мире классификация по неизбежности оказывается той *causa sui*, первопричиной его таинственного самодвижения, приобретающего ныне до предела изощренные и сложные характеристики.

И все же от простого на первый взгляд процесса классификации явлений на начальных этапах безумного процесса, именуемого весьма неопределенно, почти метафорически историей, до нынешнего драматического бытия человека, предельно дифференцированного и истерически галопирующего в никуда, где классификация всего сущего стала неотъемлемой компонентой всего нашего бытия, от начального образования до новейших информационных технологий, от искусства, превратившегося во всеобщую игру и взорвавшего старые, оказавшиеся тесными классификационные схемы добропорядочного прошлого до художественных явлений, никак не укладывающихся в отработанные веками классификационные клише, от наивных, но классических по своей стройности верований до современного смертельного смерча неисчислимых и претенциозных учений классификация остается первичной и изначальной формой духовной деятельности.

Если бы алхимики, а вместе с ними и прозорливые химики не начали великое движение классификации природных элементов, мы бы до сих пор довольствовались лишь поддающимися той или иной механической обработке материалами, ходили бы в шкурах, натирались бы растопленным жиром. Если бы древнейшие исследователи физических свойств окружающего нас мира не проложили бы в будущее путь их классификации, мы бы и не помышляли и о том ставшем для нас до обидного привычным мире технических средств информационной цивилизации, но грелись бы у костра и передвигались по дорогам от поселения к поселению в лучшем случае на ишаках. Если бы странные с точки зрения обывателя (как разновидности йеху) коллекционеры жучков и собиратели бабочек, равно как и многие подобные им почитатели собирательства всего живого не попытались упорядочить свои бесценные сокровища и найти какие-то принципы их классификации., не было нынешних великих открытий биологии, вплотную подошедшей к раскрытию тайны возникновения и принципов самовоспроизведения жизни. И так – во всех сферах Мирового разума как порождения гения человечества.

Не стоит распространяться о том, что в других сферах движения Мирового разума нельзя сделать ни одного продуктивного первого шага без классификации. Если бы классификацию не осуществляли неутомимые специалисты в разных его сферах,

бессмысленно было бы говорить о культуре как коллективной памяти. Но миллионы и миллионы подвижников духа в разные эпохи и у разных этносов, на основе порою совершенно своеобразных и не поддающихся тиражированию принципов с упорством гениальных муравьев проводили эту классификацию, что позволило и донести до нас сокровища духа прошлых эпох, и поставить их на службу новым и неожиданным для прошлого поколениям человечества.

Знамение нового времени – стремление найти основу классификации самого человека как действительно страшного по своим возможностям существа, который ныне вполне реально, а не в воображении фантастов покушается на космические войны, на клонирование человека, фактически уже создает систему тотального рабства на основе новейших информационных технологий, практически влияет на климатические процессы, и вдобавок к этому дает такое многообразие условий бытия на нашей планете, которое ставит под сомнение единство человеческой породы и какого бы то ни было смысла его существования.

Конечно, классификационный подход к человеку – отнюдь не изобретение информационной эпохи. Древнейшие цивилизации использовали его в соответствии со своими историческими и социальными сверхзадачами. Вглядитесь повнимательнее в загадочные росписи египетских погребений – и вы сразу же увидите и в позах персонажей настенных фресок, и в характерной для них атрибутике тысячелетиями отработанные представления о классификации человеческого материала. С той же достоверностью эта классификация предстала перед изумленным взором современных археологов, которые неожиданно узрели целую армию скульптурных изображений китайских воинов, реально и без теоретических понятий, в образной форме увековечивших ее.

Письменность, выдвинувшая на первый план в триаде знаний – эмоций – веры непосредственную фиксацию понятий, сохранила для нас более детальную классификацию человеческого материала в Древней Греции и в Древнем Риме, в Иудее и Израиле, в Персии и Индии. С той поры даже мы пользуемся терминологией прошумевших по земле великих и малых цивилизаций, говоря о народах, нациях и этносах, рабах и свободнорожденных, о патрициях и плебеях, о колонах и илотах, о богоравных владыках и о подобных земному праху ничтожных подчиненных. Общеизвестно, что терминологическая сетка этого варианта классификации человеческого сообщества значительно сложнее и изощреннее, но в основе ее неизменно лежит один фундаментальный принцип – экономические отношения или точнее – отношения собственности.

Новое время (если иметь в виду условное наименование эпохи непрерывных революционных преобразований во всех областях человеческого бытия, начиная с середины XIX века по столь же условному христианскому летосчислению) ознаменовано впечатляющим прорывом в самом подходе к классификации человеческого материала. Он настолько масштабен, что даже простое школярское его описание заняло бы весьма существенный объем текста моей книги. Убедиться в этом – весьма просто, ибо достаточно просмотреть новейшие словари и энциклопедические издания по социологии, психологии, истории философии, педагогике и по многим другим без меры и должного объективного основания расплодившихся «наукам о человеке». Каких только принципов классификации человеческого материала они нам не предлагают, стремясь преодолеть социально – экономический подход и соответствующий ему классовый принцип.

Я отнюдь не собираюсь в пылу полемики оспаривать те или иные определения, характеризующие классификационный подход к анализу человека как к субъекту истории и в конечном итоге – ее трагической жертве. *Зафиксированные в теоретической форме*, они обогащают нашу целостную картину человеческого бытия во всем ее драматизме, *художественно – осмысленные* в эпохальных по значению шедеврах искусства, они дают нам новые ориентиры этого бытия в современном алогичном мире. И конечно же, *превращаясь в символ веры* той или иной человеческой общности, они оказываются терапевтическими по значению ценностными ориентирами существования, более того – выживания миллионов в условиях надвигающегося Молоха потребительского тоталитаризма и манипулирования миллиардами зловещей горсткой новых правителей

Земного шара, таинственным кланом, всерьез убежденным в своем окончательном историческом торжестве над обидленным и дебилизированным человечеством.

Но, как это ни парадоксально, все новейшие открытия, прозрения и ценностные установки, ставшие почти аксиоматическими на протяжении последних двух столетий, имеют весьма локальное, но не универсальное значения для характеристики нашей с вами породы. Они, как и все предшествующие классификационные принципы, затрагивают лишь одну какую-то сторону нашего бытия, пусть вполне реальную, объективную, но **не способ бытия человека как антиприродного существа**. К примеру, трудно оспаривать правомерность идущей от К.Г. Юнга традиции деления всех людей на экстрровертирные и интровертирные типы, на тех, кто в постижении истины открыт для внешних влияний, и тех, кто изначально замкнут, отворачивается от внешнего мира, бежит от него в свой замкнутый внутренний мир. Но универсальную пружину безграничной динамики способа бытия человека этой и многим другим изящным психологическим конструкциям объяснить не дано.

Бессильны здесь и социологические изыски, которые нельзя отрицать с порога в силу их нестандартности. Так, безусловно привлекательно основанное на трудах историков, этнографов, археологов представление о пассионарности тех динамичных в определенные периоды развития рода человеческого цивилизаций, которые оказывают наиболее заметное влияние на общую картину динамики социума. Но ведь вне вихрей этой «пассионарности» остается подавляющее большинство человечества. И ничего – преблагополучно и тихо, без катаклизмов существовало и существует.

Для будущих историков духовного развития Нового времени особый интерес, с моей точки зрения, будут представлять философско – литературные упражнения тех мыслителей, которых по инерции относят в разряд исчезнувших во мраке небытия классических философов, создателей универсальных и логически-обоснованных, целостных систем трактовки бытия и его смысла. Ныне каждый действительно крупный писатель, и уж тем более – писатель гениальный, практически не может не быть философом, предлагающим свою, индивидуальную, лично выстраданную картину мироздания и трактовку человека в ней.

Одновременно тонкие и эрудированные знатоки историко-философского процесса фактически, на поверку оказываются блестящими литераторами, поднимающимися до глубоких образных прозрений и неистребимого искания нового символа веры, способного вернуть человека к подлинно человеческим ипостасям бытия. Не знать всего этого тектонического по характеру и вселенского по масштабам движения Мирового разума в современном парадоксальном мире не может, не имеет исторического права в силу изначального призвания любой подлинный интеллигент. Интеллигент в том смысле, о котором я неоднократно писал ранее. Познав же всю эту поразительную феерию Мирового разума, каждый из нас снова и снова оказывается у исходных, почти пещерных истоков духовных исканий того начала начал, которое и является загадкой загадок самодвижения духа.

А ведь загадку эту уже открыли те лучшие умы человечества, которых оно в страхе отвергает как чудаков, говорящих на неведомом языке, те поразительные художники, которые никак не вписываются в нормальные и неведомые кем predetermined рамки «мировой культуры», те пророки, которые создают великие верования, но идеи которых сразу же приобретают вполне карикатурные формы в результате церковной ортодоксии. Рефлекс всеобщего страха перед их откровениями и столь же всеобщее нежелание привести гнусное и печальное бытие человека в соответствие с действительно человеческими нормами, постигнутыми ими в триединой истине знаний, эмоций и веры – вот причина поразительной и пугающе-поражающей нашей всеобщей духовной глухоты.

Гораздо спокойнее по традиции представлять историю человечества как развитие социальных групп, племен и родов, кланов, каст, званий, сословий, классов, стратов, как смену цивилизаций, тем более что для подобных представлений есть вполне реальные, фактические основания. Но возведенные в абсолюте, в непререкаемую догму, эти представления скрывают от нас первопричину мировой трагедии духа, драматизм нашей всеобщей истории как ошибки природы. Они делают нас бессильными перед реальным

социальным злом, ибо в итоге оправдывают выход нашего пращура на извечную тропу войны в результате отказа от самоуправления и перехода на зловещий, с моей точки зрения, путь государственности как символа и механизма власти одних над другими. Власти, которая не становится слаще оттого, что ее возникновение прикрывают прекраснотушной легендой об «общественном договоре».

Но подобная универсальная глухота далее превращается в преступление против человечности, ибо закрывает перед всеми нами путь к Homo divinus в соответствии с нашим изначальным, природным предназначением, ибо она в итоге, в ближайшей исторической перспективе свернет стрелку на путь в никуда, к всеобщему одичанию, к Homo vulgaris, к той войне всех против всех, которая уже ныне стала зловещей реальностью. Завет великих – вот наша последняя и неколебимая опора, наше credo. И он прост как все гениальное и в этом смысле слова – божественное: изначально и вечно существуют в гигантской, многомиллиардной массе людей, страдающих и любящих, в поте лица своего добывающих хлеб наш насущный, своим повседневным изнурительным трудом создающих все то, что мы с гордостью, хотя и безосновательно называем «второй природой» и без чего мы ныне не можем сделать и шага, два типа, две породы людей – **йехуисты и эквитисты**. Это пассивное и зловеще – приспособляющееся к любым, самым экстремальным условиям и питающееся из государственной кормушки стадо или чернь (по терминологии наших великих поэтов), с моей точкой зрения являющаяся парадоксальной ошибкой природы, и устремленные вперед (equites – всадники, неодолимо мчащиеся вперед и выше) лучшие представители человеческой породы, те, чей труд и интеллект, художественные открытия и великие прозрения веры предопределяют динамику истории, по традиции именуемую нами вполне неопределенно прогрессом, те, кто действительно является солью земли. (Здесь кстати уместно напомнить, что порода людей, по Далю, старинное словообразование, тождественное новому – природа людей).

Они – вне любых социальных делений, ибо йехуистом может стать и раб, и крепостной крестьянин, и вольный землепашец, и нынешний городской работяга, а эквитистом – представитель правящей верхушки, выламывающийся из ее традиций по велению совести, веры в надежде на совершенствование человеческой природы. Йехуисты и эквитисты – характеристика двух универсальных способов бытия, присущих особым группам, и в этом смысле – породам людей. Наследственные, врожденные или предопределяемые средой и воспитанием подобные качества двух пород людей – безусловно любопытный вопрос, но он – вне сферы моего интереса. Ясно одно – нет и не было ни одного мудрого ученого, ни одного прозорливого и тонко чувствующего художника, ни одного создателя, определяющего духовные ценности человечества вероучения, которые не признавали бы такого универсального и вполне загадочного расслоения людей в обозримом для нас временном промежутке истории.

Здесь позволю себе небольшое отступление, объясняющее выбор исходных терминов, вызвавших некоторые затруднения и разночтения после выхода в свет первой части моей книги «Венец творения или ошибка природы. Парадоксы философии йехуизма». Когда, потрясенный при новом прочтении бессмертием актуальной и поныне сатиры Свифта, выбрал термин «йехуизм» для определения особой, весьма зловещей породы людей и их способа бытия, даже не предвидел одно странное обстоятельство. Оказывается, что большинство так называемой интеллигентной публики читало лишь в детстве адаптированное издание первой части его романа «Путешествие в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» - «Путешествие в Лилипутию», а об йеху, то есть об отвратительных человекоподобных персонажах четвертой части его книги – «Путешествие в страну Гуигнгнмов» и не ведают. У них сложилось весьма превратное представление о слове йеху, как о своеобразном термине, почему-то ассоциирующимся в их воображении с добротным, ядреным русским словцом. Но книга «Венец творения или ошибка природы» вышла в свет, и бить терминологический отбой было уже поздно.

Йехуистам я далее планировал противопоставить пантагрюэлистов, полагая, что

Рабле, этот мудрейший из мудрых и отважнейший среди всех бойцов с силами зла и мракобесия безусловно у нас – общеизвестен. Ведь именно он гениально противопоставил всем мерзопакостникам - светлых, добрых, веселых людей, способных **«быть добрыми пантагрюэлистами, то есть жить в мире, в радости, в добром здравии, пить да гулять»** и согладатаям не доверять. Ведь именно бесстрашный Франсуа Рабле в странствиях Пантагрюэля и его веселой компании гуляк и забияк, выпивох да фанатичных поклонников женских прелестей впервые в истории дал нам целую коллекцию йехуистов, существованием которых обусловлено все зло на земле, и прежде всего – преступных владык мира сего. **«Эти чертовы короли здесь у нас, на земле, - сущие ослы: ничего-то они не знают, ни на что не годны, только и умеют, что причинять зло несчастным подданным да ради своей незаконной и мерзкой прихоти будоражить весь мир войнами»**. Запомним эти вещие слова доблестного Панурга, равно как и определение пантагрюэлизма, как нельзя более подходящее к поставленной мною задаче выяснения перспектив бытия человека.

Уверовав в операционное значение термина «пантагрюэлизм», я начал проверять его на молодых коллегах – гуманитариях, равно как и на аспирантской молодежи. Эффект оказался ошеломляющим – никто, повторяю – никто из многих десятков вполне интеллигентных людей и слыхом не слыхивал о Пантагрюэле, так что от термина «пантагрюэлизм» пришлось отказаться. Очевидно, я просто запамятовал, что уже более тридцати лет у нас, как и во всем мире, идет фронтальная атака йехуистов на идеалы Просвещения, что практически уже осуществилась массовая дебилизация населения и его эмоциональное обидливание, которое я сам предрекал ранее, характеризуя нашу систему образования.

Выход надо было искать на каком-то ином пути. Его и подсказал мне профессор Лев Тодоров, который является непримиримым противником серой массы теоретиков-йехуистов, лихо бросившихся изничтожать все, связанное с непреходящей по значению для прогресса человечества эпохой Просвещения, либо активно стремящихся к тому, чтобы выбросить из школьных программ литературу как учебный предмет. Его рассуждение было предельно логичным: поскольку в обиход ныне входят любые иноязычные слова, даже абсолютно бессмысленные, надо воспользоваться этим всеобщим стремлением и найти термин, фактически наделенный взрывоопасным смыслом. Он и подсказал его после многодневных и трудных поисков – «эквитизм».

Не буду торопиться с теоретическим определением йехуизма и эквитизма, как предлагают мне доброжелательные читатели первой части, ибо вслед за классификационным подходом к человеку, избранным мною, необходим этап *систематизации духовного опыта тысячелетий* и лишь потом - *теория вопроса*, предлагаемая мною. Пока лишь признаем, что амбивалентность йехуистов и эквитистов (а они немыслимы друг без друга в целостной и нерасторжимой человеческой общности как два способа бытия, с удивительной неизменностью проходящие через тысячелетия неписаной и писанной истории) дает достаточное основание для проведения универсальной классификации человеческого материала безотносительно к его этническому, историческому, профессиональному своеобразию, более того – безотносительно к любому социальному статусу. А согласившись с подобным основанием, отбросим все идеологические предубеждения и гарантии индивидуального спокойствия и далее – в путь с тем же упорством, который оставили нам как завет Лукреций Кар и Авиценна, Аристофан и Байрон, Герберт Спенсер и Зигмунд Фрейд, Карл Линней и Чарльз Дарвин, Дмитрий Менделеев и Бальзак, Евклид и Лобачевский, Конфуций и Будда, Лев Толстой и Максим Горький. И конечно же – Маркс, один из самых универсальных пророков человечества. Начнем без предварительного обоснования с йехуистов, нанизывая их на булавки нашей исторической коллекции.

Может показаться, что их выделение для дальнейшей классификации следует отнести за счет полемической направленности моей книги, ибо ее пафос – непримиримая война с йехуизмом во имя торжества Homo divinas. Но это далеко не так, ибо каждому мыслящему человеку известен феномен сопротивления материала умозрительным, даже самым привлекательным и на первый взгляд логически безупречным гипотезам. Именно

об этом сопротивлении эквитизма какой-либо классификации я расскажу далее, попытавшись объяснить и этот загадочный парадокс нашей духовной жизни. Естественно, противопоставляя эквитизм всем основным типам йехуизма, которые постараюсь разместить на булавках всемирной классификации дьявольской породы людей, чей исторический путь отмечен потоками людской крови, страданиями миллионов беззащитных жертв, триумфом завоевателей и черных деяний палачей. Именно породы, приметно отличающейся по способу бытия от Homo divinas.

Мною при трактовке проблемы выделяются следующие классификационные подразделы йехуистов: **Yiehu–bestia** или **бестиарии** и их резервная армия: yiehu–ignorantia или невежды, yiehu–renegatus или ренегаты; зловещий же исторический марш бестиариев к их вполне возможному окончательному, бескомпромиссному триумфу осуществлялся лишь потому, что в условиях государства всегда предельно распространены представители полярной противоположности племени йехуистов - **Yiehu–aurea mediocritas** или **сплоченная посредственность**: yiehu–demagogus или демагоги, yiehu–mutantas или мутанты, yiehu–figlarus или фигляры.

YIEHU–BESTIA ИЛИ ЙЕХУИСТЫ–БЕСТИАРИИ

Повествуя о йеху, я невольно сбивался порою на иронический тон, словно дело идет о каком – то вполне безобидном способе бытия, вполне совместимым с представлениями человечества о своей божественной природе. Увы, это далеко не так, ибо йеху, дремлющий в нас и пробуждающийся в силу непрогнозируемой цепи причин, от социальных до индивидуальных, чудовищно, безгранично опасен в исторической перспективе. Вспомните мое предположение о первом человеке, вонзившем каменный нож под ребро соплеменника и сделавшем роковой шаг на космическом по масштабам и трагизме пути власти человека над человеком. Он как родоначальник yiehu–bestia вызвал такое коловращение насилия человека над человеком и соответственно – такие реки человеческой крови, такие масштабы и ужасы самоуничтожения человеческой породы, такое торжество неумолимого насилия, что невольно оказываешься бессильным найти какие – либо аналогии подобному существу во Вселенной.

Пусть же на суде истории, который неотвратим как восход Солнца, заговорят свидетели этого вселенского кошмара, которые помогут нам отбросить все идеологические, политические, эстетические иллюзии, все веками устоявшиеся догмы, оправдывающие необходимость существования yiehu–bestia, возвеличивающие и поэтизирующие их преступные деяния. Конечно, это будет не тот суд школьной истории, где преступники против человечности оказываются великими и мудрыми героями, полководцами, королями, императорами, вождями, задрапированными в идеальные одежды, одно имя которых заставляет зашоренного учителя в исступлении и необъяснимом восторге ломать стулья. Мы с вами привлечем к ответу всех этих преступников на основе беспристрастных документальных (и в этом смысле – научных), художественных свидетельств, принимая также с полным доверием данные всех вероучений. Иными словами, все то, что современная историческая наука, имеющая тысячелетние традиции изучения достоверности всех этих данных, дает нам возможность использовать в борьбе с йехуизмом во всех его проявлениях.

Понимаю, что все миллиарды и миллиарды уничтоженных, изуродованных, растоптанных человеческих жизней (в том числе и в загадочных, но вполне реальных цивилизациях, оживлявших в глубокой древности нашу планету), навсегда исчезли в пыли времен и не могут дать показаний на суде истории. Но до нас дошли их мифы, легенды, утопии, их система вероучений – живая и нетленная память человечества, достоверная основа реконструкции прошлого в интересующем меня аспекте. С них, наверное, и следует начать анатомию бестиариев и их резервной армии клеветов, удивительно однообразных и уныло – тождественных во все времена.

Вчитаемся повнимательнее например, в ведическую литературу – великую и бессмертную систему вероучений хинду, созданную в такие отдаленные времена, что брахманы всерьез полагают, что она возникла задолго до появления человечества! Перед нами – поэтичнейшая в ряду ведических книг – «Махабхарата», научный перевод одного из восемнадцати томов которой с санскрита доступен нам благодаря научному подвигу русских ученых – индологов. Она повествует о непримиримой вражде между кауравами и пандавами – двоюродными братьями, наследниками слепого царя Хастинапура Дхритараштры и его младшего брата Панду. Вражда, вспыхнувшая из-за зависти сыновей Дхритараштры к блистательным достижениям пандавов во всех искусствах, в том числе и военном, переросла в нарастающую вереницу самых чудовищных насилий, грабежей, поджогов и взаимоистребления.

Но ведь и кауравы, и пандавы – не заурядные воины – кшастрии, но владыки, охраняемые богами, игры которых между собой, по взаимной договоренности, напоминающие чем-то рыцарские поединки, невольно вовлекают в воронку взаимоистребления целые царства и племена, а в итоге приводят к великой битве, участником которой стала вся Индия. Всего восемнадцать дней длилась эта битва, в которой погибли не только все великие герои кауравов и пандавов, но и бесчисленное воинство разоренной дотла страны. Кстати, историки полагают, что в «Махабхарате» в мифологизированной форме отражены реальные события великой трагедии народа

хинду, а археологи добывают все новые и новые материальные свидетельства катастрофических военных разрушений невиданного масштаба той поры. И символом действительно исторической по масштабам трагедии стал овеванный ореолом ужаса один из могучих героев пандавов Бхима, убивший в ожесточенном бою на палицах каурава Дурьйодхана, а затем и его брата Духшасана, кровь которого и выпивает во исполнение клятвы, вызванной оскорблением общей жены пяти пандавов - Драупади

Как же мы все сегодня читаем «Махабхарату»? С увлечением, ибо нет, наверное, в мировой литературе книги, равной ей по богатству сюжетных хитросплетений, по яркости и многообразию характеров героев, по эпическому масштабу и лирическим прозрениям, вдохновлявших поэтов всех времен и народов, по интеллектуальной значимости как одной из фундаментальных основ не только древнего, но и современного образования. Напомню замечание переводчика первой книги «Махабхараты» - Адипарвы на русский язык В.И. Кальянова, что в этой героической поэме свыше ста тысяч шлок, или двустиший и что по объему она в восемь раз превосходит «Илиаду» и «Одиссею», взятых вместе.

Что же остается для нас, почитателей этого шедевра мировой литературы, как говорится - за кадром? Реальное горе сотен миллионов вполне реальных людей, разоряемых и уничтожаемых, более того – побуждаемых к братскому взаимоистреблению во имя чуждых им целей, руины великих цивилизаций и превращенное в пепел все, созданное их неутомимым трудом. Мы так привыкли к магии величия всемогущих владык, что вопреки велениям человеческой совести и отзывчивости, любви и состраданию к ближним склоняемся перед Молохом государственности абсолютно так же, как и рабы в древнем Вавилоне.

Мы, «цивилизованные люди» (по крайней мере, в иллюзорном самомнении), никак не можем признать, что все верования прошлого, оставившие нам великие Книги типа «Махабхараты» ныне предстают перед нами не только как великие литературные произведения, но и как верстовые столбы на зловещем пути породы, именуемой *уіећu-bestia*, что они запечатлели его дьявольскую неизменную сущность как антиприродного зловещего явления. И не только в деяниях властителей, на совести которых – все «игры», а точнее все злодеяния прошлого, но и в кровавых преступлениях тех, кто шел за ними, кто сжигал города и села, бросал тысячи живых детей в горящий ад, подвергал чудовищным пыткам людей, истреблял женщин и стариков, слепо повинаясь воле и приказу реальных хозяев мира.

Кстати, **всегда перед страхом возмездия оправдывая себя и свои кровавые деяния чужой волей и приказом.** Но эти мелкие бесенята, на руках которых океаны человеческой крови, меня в данном случае не интересуют, ибо не прибавляют ничего принципиально нового к типологии «героев» как представителей породы *йеху-бестиариев*. От века к веку меняется маскарад, иными становятся драпировки «героев», иными – одежды прислужников и пособников, но *йехуистская* сущность их остается неизменной. Признать это трудно, не по зубам современному человечеству, но без подобного исторически – необходимого в эпоху информационной цивилизации откровения путь к Божественному человеку будет навсегда закрыт.

Для многих народов и вероисповеданий священной и глубоко почитаемой является Библия, точнее – Ветхий завет, воплотивший в себе муки и страдания, надежды и свершения, практический опыт и способы выживания в чуждой среде, реальную многотысячелетнюю историю и магические представления еврейского народа. В той же мере, как и «Махабхарата», она в мифологизированной форме вполне достоверно описывает деяния пророков, царей и судей Иудейских, которым поклоняются или перед которыми преклоняются правоверные адепты иудаизма, христианства и ислама. Как и «Махабхарата» в том ее образном слое, который характеризуется легендой о Нале и Дамаянти, так и Библия дала неисчерпаемый поток сюжетов и образов, вдохновлявших художников в самые разные времена и самых разных народов. Вообразите на мгновение, что из этого безбрежного потока, именуемого европейской художественной культурой, исчезнет все, что почерпнуто ею из Библии. Думаю, что в таком случае мы оказались бы в чашлом оазисе безводной и мрачной пустыни. Ученые – исследователи давно доказали,

что Библия остается основой образованности не только для Европейской цивилизации.

Подобно всем великим Книгам человечества Библия с первых же глав утверждает величие человека как богоравного существа, призванного жить по нормальным, общим для всех творений природным законам. Так, после великого потопа и спасения Ноева ковчега Бог поставил завет с оставшимися в живых людьми и со всеми их потомками. И начало начал в нем – святость и неприкосновенность человеческого бытия: **«5 Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. 6 Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию».**

Бог предвидел, что наряду с богоравным человеком может появиться *yiehu–bestia*, воплощающий способ бытия, который неизбежно поставит под сомнение само выживание человечества. Попробуйте вчитаться в текст Библии, обращая внимание лишь на нарастающий в геометрической прогрессии чисто цифровой показатель кровавых злодеяний, массовых убийств, неопикуемых зверств тех, кто был сотворен Богом братьями. Думаю, что безотносительно к мотивам этих злодеяний и к тому, кто является их инициаторами, а кто – рутинными исполнителями Библия остается для нас неоспоримым документом вопиющей антиприродности человека, скрытой в нем дьявольской сущности. Кстати, оформленной в идее избранного Богом народа, которому дозволено истребить всех для своего процветания, уничтожить все на пути в Землю Обетованную во имя своего выживания.

И вот что прелюбопытно: христианство как одна из самых строгих по отношению к образу бытия человека религий не только провозглашает традиционно-библейское: «Не убий !», но и категорически, устами Христа, запрещает (к сведению современных **йехуистов, порою носящих на фуфайках нательные кресты и не знающих иной лексики, кроме оголтелого мата) любое оскорбление человека человеком.** Именно христианство породило одно из самых загадочных выступление против всех типов йехуизма – «Откровение Святого Иоанна Богослова», завершающее как последнее предупреждение человечеству Новый Завет.

Йехуисты иного типа, о которых мы побеседуем далее и весьма подробно, имея в виду их особую опасность для торжества *Ното divinas* в силу поразительной способности к мимикрии под человечность, добропорядочность и даже некоторую респектабельность, легко вспомнят о магическом и зловещем числе 666 из «Откровения Святого Иоанна Богослова», ибо их духовный мир не выходит за рамки дозволенного современными информационными технологиями, оперирующими тошнотворно-пошлыми кинематографическими интерпретациями великих истин. Но ведь Апокалипсис – не пророчество о всесии грядущего Зверя, который вознамерился покорить весь мир, установить такой миропорядок, при котором «убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя». Он – свидетельство неизбежности Гнева Божиего, который в итоге «погубит губивших землю». Это, на мой взгляд, пророческое предвидение неизбежности возмездия всем представителям чудовищной породы человечества, именуемой *yiehu–bestia*, сделавшим жизнь человеческую, наше бытие сплошным многотысячелетним кровавым кошмаром. Той породы, которая оказалась зловещей ошибкой природы и создала свою систему – государство.

Подобным же предвидением является поразительная по обличительной и пророческой силе «Илиада», задолго до краха, до превращения в руины бесценных по совершенству и гармонии прекрасных городов – полисов Древней Греции предупреждавшая о неизбежных последствиях действий или, если хотите, игр дорвавшихся до власти бестиариев. Нет, это отнюдь не моя трактовка великого памятника духовной культуры, но вывод, который всегда делали из нее бесстрашные эквитисты. Вспомним вместе «Послания» Горация (1, 2, 11):

...А Нестор хлопочет
Ссоре конец положить меж Ахиллом и сыном Атрея,
Первый горит от любви, и оба пылают от гнева.
Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев.
Яростный гнев, произвол, злодеянья, раздор, вероломство –
Много творится грехов и внутри и вне стен Илионских

Не буду развивать этот тщательно замалчиваемый представителями йехуизма низшего ранга в ее дьявольской иерархии вывод эквитистов всех времен, цивилизаций и этносов. Пока лишь запомним: **«Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев»**.

Неспокойной совести человечества было бы, как говорится, сподручнее забыть о вселенском горе, о трагедии исчезнувших в небытии миллионов угнетенных, свободорожденных и рабов, о сожженных городах и уничтоженных прекрасных цивилизациях, о подвигах отнюдь не мифических героев, чьи руки - по локоть в крови невинных жертв во имя «игр» бестий, дьяволиаду зверств которых во всей красе бессилён наглядно воссоздать даже неуравновешенный в психическом отношении современный кинематограф. Поэтому установилась негласная традиция трактовать в мещанской среде Великие Книги не как исторические свидетельства – обличения, но лишь как вполне удобные мифы или даже сказки былых времен. Но истина потому и нетленна, что она существует в разных формах, что бок о бок с Великими Книгами человечества, со всем миром его сказаний и легендарных преданий сражается за нее бессмертная наука, подтверждающая свидетельства и выводы великих Книг человечества. И ее слово в итоге оказывается приговором всем йехуистам мира, оставившим после себя лишь как апофеоз смерти, насилия, грабежей и изуверств еще не воссозданную в реальном масштабе верещагинскую пирамиду человеческих костей и черепов.

С той минуты, когда прозвучало первое Слово и был сделан первый шаг на пути Творческой деятельности нашего прародителя, в нерасчленимом синтезе начали развиваться три ветви постижения истины – рациональное, эмоциональное и духовное. Они все несопоставимы по характеру, глубине прозрения, масштабу воздействия на способ бытия человека. Но это не умаляет их значения для наших современных усилий постичь перспективы этого бытия. Так попытаемся хотя бы бегло, опираясь на фундаментальные труды великих историков прошлого и настоящего, проследить реальные, а не эстетизированные и идеализированные деяния «великих» и «малых» героев, символизирующих все бестиарное в человеке и зафиксированные во всех вероучениях.

Скитаясь в туристском экстазе по руинам Древней Греции, любясь ее прекрасными и поныне развалинами, я невольно в результате вполне оправданного эстетического шока даже не подумал, что они символизируют не только вечные и незбылемые тайны прекрасного, постигнутые удивительно малочисленными и продуктивными народами, некогда населявшими ее. Голос историков той поры звучит как вселенский набат, предупреждая о том, что может сотворить с самой совершенной, благоустроенной, продуманной цивилизацией вырвавшийся из-под контроля бестиарий. Кто же он, эта ошибка природы, избравшая тупиковый путь исторического развития? Те, о ком мы привыкли говорить с придыханием от восторга как о великих героях истории, и те, кто слепо исполняет их зловещую волю.

Не скрою – с детства с упоением читал и читаю труды Полибия, Геродота, Ксенофонта, Светония, Плутарха, Тацита, равно как и других «очевидцев античности». Где, как не в их лаконичных повествованиях можно почерпнуть мудрость веков, уроки гражданских добродетелей, ощущение безграничных возможностей человека. Но вчитываясь в них еще и еще раз, открыл для себя новый, недоступный зашоренному традиционным школярством уму выразительнейший обличительный слой, те описания последствий деяний овеванных ореолом исключительности владык, которые дают полное основание отнести всех их (как неизбежное и трагическое порождение движения человечества по пути государственности) при классификационном подходе к типу уіеһу–

bestia или бестиариям.

Трудно не восхищаться способом образования ребенка в Спарте, выработке у него неколебимых навыков патриотизма, бытовых и гражданских добродетелей, мужества, которое давало другим грекам основание утверждать, что Спарта погибнет лишь тогда, когда погибнет последний спартиат. Что, кстати, и произошло на самом деле. Но спартиат был идеальным убийцей, способным совершать по велению царей и полководцев, руководившим им, самые варварские, бестиарные деяния, ибо, как свидетельствует Плутарх, спартанское воспитание – очень строгое и полное трудов, но зато приучающее юношей к повиновению.

Так, легендарный царь лакедемонян Агесилай II, безупречный в личном поведении как образец скромности и неприхотливости в быту, бросал в Пелопонесской войне подчиненное ему войско по всей Элладе, добываясь полной гегемонии. А фактически он опустошал одну страну за другой, теряя и цвет спартанской молодежи, и обрекая Спарту на неизбежное крушение. Он не испытывая зазрений совести казнил без суда заговорщиков, захвативших в Спарте неприступное святилище Артемиды и поддавшихся на обман, хотя, как свидетельствует Плутарх, «прежде ни один спартанец не подвергался смертной казни без судебного разбирательства».

Неужели аномальность всеобщего уничтожения (а именно таким оказался итог бесконечных междоусобных войн, которые непрерывно вели между собой греческие государства, ибо от античной Греции остались лишь руины, но не осталось ни одного грека) не была очевидна мужественным представителям эквитизма той поры? Неужели никто не возвышал голоса против кровавых деяний правящих и безропотно служивших им представителей дьявольской породы бестиариев? Конечно же нет, ибо в противном случае был бы беспочвенным любой разговор о перспективах дальнейшего бытия человека и в наши дни.

Вспомним хотя бы великого Аристофана, все комедии которого, от первой до последней, есть не что иное, как мужественный голос эквитиста, пытавшегося предотвратить через комедийный катарсис неизбежную гибель Древней Греции. Вопреки всем скорпионам со стороны власть имущих, манипулировавших «народом», демосом так, как им было угодно, он убежденно отстаивал великое предназначение драматического поэта:

Он берется хорошему вас научить, чтобы вечно вы счастливы были.

Он не станет вам льстить, мзды не станет сулить, не захочет ни лжи, ни обмана.

Он не будет хитрить и чрезмерно хвалить, он хорошему граждан научит.

Следуя велению своего демона, Аристофан как пророк–эквитист посвятил весь драматический гений утверждению мира как естественного, нормального состояния человека, призванного возделывать виноградники и растить детей, пахать и сеять, орошать земли и строить жилье, и одновременно – осмеянию всех воинов, которым дано лишь сеять вражду и пожинать кровь и смерть. Уже в «Ахарнянах», поставленных в 425 году до н.э., он не только проложил эстетическую перспективу всех своих классических пьес, но и высмеял ничтожество самых возвышенных поводов к войне и мизерность ее результатов в любом случае. Герой «Ахарнян» - работяга–крестьянин Дикеополь, в переводе – «Справедливый гражданин», устал как и все рядовые греки от бесконечных распрей Спарты и Афин и принял поразительное решение – в одиночку, как бы мы теперь сказали – персонально заключил сепаратный мир со Спартой.

Он выстоял под натиском современных ему патриотов, мужественно презрел все их отнюдь не шуточные угрозы и...первым начал получать все реальные выгоды от мира, то есть от нормального существования человека. Еще немного - и к нему безоговорочно присоединились все свободные граждане, провозгласившие устами Предводителя первого полухория: «Никогда войну отныне не пущу к себе я в дом». В эксоде его антипод – воинственный полководец Ламах, проигравший схватку рукопашную, весь изуродованный, появляется рядом с торжествующим победу Дикеополем, которого всячески ублажают (куда там нынешним примитивным любительницам в деле служения

Эросу) две молоденькие крепкогрудые девицы. И он тем более посрамлен, что Хор именно Дикеополя, а не изуродованного в битве воина - Ламаха награждает полным мехом вина и поет ему осанну:

А за тобою мы пойдем,
Тебе и меху пропоем
Победную славу !

Древнейший поэт–эквирист, которого и поныне тем или иным способом не допускают на сцену в масштабах и в соответствии с его мировой заслугой перед страждущим человечеством, и доселе не ведающим ни одного дня без войн «великих» и «локальных», и конечно же – всегда «справедливых», «освободительных», ставит на сцене пьесу за пьесой о мире, и, наконец, после сокрушительного разгрома афинян в Сицилийской экспедиции, дает последнее предупреждение человечеству (пусть в рамках античного мира) о возможности пойти по человеческому пути развития, без войн и насилий – «Лисистрату», поставленную в 411 году. Справедливо писал один из крупных знатоков и переводчиков греческой литературы В.Н. Ярхо: «Сюжетный остов этой комедии представляет собой нечто совершенно исключительное во всей мировой литературе. Женщины Греции, возглавляемые афинянкой Лисистратой, стремятся покончить с войной, которая приносит им столько страданий как женам и матерям воинов, уходящих на смерть. Чтобы заставить мужчин подчиниться их воле, женщины берут на себя клятвенное обязательство отказывать мужчинам в любовных ласках до тех пор, пока продолжается война».

От пьесы к пьесе Аристофан призывал в комедиях (которые я назвал бы бесстрашным публицистическим обличением войн, убийств, насилия) к осознанию зловещей природы йехуистов, смысл жизни которых – в истреблении себе подобных. Так могут ли их бесчисленные наследники душою и сердцем принять великого драматического поэта древности, который провозгласил как завет человечеству: «И пусть навсегда мы забудем о блеске железа». («Мир». Эксод. 1320).

Пророчества Аристофана уже при его жизни начали сбываться, ибо война всех против всех в Аттике привела к полному истощению материальных и духовных сил греков. Но вот вроде бы произошло чудо – и исконный враг Пелопонесских государств – Македония, бывшая доселе вполне провинциальным государством, при Филиппе стала могущественной державой, истреблявшей всех на своем пути к гегемонии в Греции. Вторым же чудом, ошеломившим и потрясшим мир той поры было появление как ослепительной кометы нового владыки – Александра III Македонского. О нем сказано все, что может быть только сказано: и об его образованности (еще бы – ученик самого Аристотеля, под руководством которого изучал не только этику и науку об управлении государством, но и был приобщен к тайным, сокровенным знаниям, увлекся медициной, а с томом «Илиады» никогда, даже в самых трудных походах, не расставался); и об исключительной личной смелости (вспомним хотя бы эпизод в битве с воинственным племенем индов – малами, когда он первым ворвался на вершину крепости и один сражался с противником, отбиваясь и мечом, и камнями, перебив множество воинов, в том числе и вождя малов). Легенды, легенды, легенды, бытующие у многих народов до сих пор...

Но всем нам не хватает мужества признать простой и самоочевидный факт – Александр Македонский и его сподвижники в действительности, с нормальной природной точки зрения есть просто **наиболее впечатляющее наше большое обывательское воображение отклонение от способа бытия Homo divinas**. В безумном стремлении захватить мировое господство, подчинить себе и Азию, и Индию он прежде всего беспощадно разделался с непокорными в Греции, стер с лица земли Златовратые Фивы, унизил Афины и добился от эллинов назначения себя полномочным военачальником Эллады.

Как свидетельствует Арриан, всех особенно поразила его жестокость, с которой он расправился с Фивами при первой же попытке их восстановить поправленную свободу.

«...Видя, что фиванцы ни во что его не ставят, он решил сравнять город с землей и таким страшным делом отвратить от попыток к отпадению все, кто собирался на это отважиться....» Древние историки оказались в оценке Александра Македонского подлинными экветистами, осмелившимися донести до нас свет правды. Кстати, и о том, как повеления древнего фюрера выполняли другие йехуисты–бестиарии, в равной мере ответственные за то, что произошло далее. Как свидетельствует тот же Арриан, «началось беспощадное истребление уже не защищавшихся фиванцев, причем жестокость проявляли не столько македонцы, сколько фокейцы и беотийцы; одних из фиванцев застигали в домах, некоторые пытались сопротивляться, другие молили о пощаде, припав к жертвенникам, но жалости не было ни к женщинам, ни к детям».

И вот древний бестиарий зашагал как Голем по трупам народов и по развалинам городов, даже руины которых восхищают всех и поныне. Он перебил население Милета, разрушил Галикарнас, Тир, Сидон, Вавилон и Персеполь (по данным Диодора, весь Персеполь был отдан на разграбление воинам) – «а был этот город самым богатым из существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным – полно всякого добра Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много». Александр Македонский перерезал в схватке с таким же бестиарием, как и он – с Дарием более 100 000 человек, а во второй битве с ним же на берегах Тигра он гениально с военной точки зрения малыми силами уничтожил более чем миллионное войско персов, всю его конницу. А далее – кровь и смерть народов Гиркании, Бактрии, Согдианы, превращенных им в пустыню, горе многих государств, от Индии до Аравии. И все нараставшие кровавые оргии, свидетельствовавшие о намерениях Александра истреблять целые племена (как это и произошло с коссейями).

И вот абсолютно закономерное историческое возмездие: уничтожение им ближайших и испытанных в боях друзей, отравление соратниками и почти мгновенный распад его империи, поделенной диадохами. Но и они как йехуисты вскоре были столь же стремительно унесены в небытие ветром истории, которая по загадочным причинам не знает почтения к бестиариям любого масштаба, любых индивидуальных качеств. Она неизменно, словно по божественному велению, дает возможность человечеству одуматься и задуматься. Она как бы показывает нам, что если среди всеобщего йехуизма могут появляться такие люди как классики древней исторической науки, оставившие нам свидетельства кровавых безумий йехуистов, то будущее не столь уж безнадежно.

Жалкая и трусливая тварь, гнездящаяся где-то в глубинах нашего исторического опыта, не позволяет нам признать со всей определенностью и если хотите – бескомпромиссностью, что человечество когда-то будет принуждено логикой нормального для всей природы бытия исправить свою первоначальную и роковую ошибку – отказаться от государства и перейти к самоуправлению, признать и призывы всех вероучений, и выводы всех великих мыслителей – эквитистов, и прозрения гуманистов - художников о необходимости раз и навсегда покончить с теми «героями», которые в действительности являются чудовищной ошибкой природы. Уверен, что в будущей истории, в том числе и в массовых учебниках для новых поколений, в грядущем великом и человечном искусстве им просто не будет места. Небытие – вот единственный выход, который мы можем предложить всем бестиариям прошлого, настоящего и будущего. В том числе и тем, кто ныне вновь и вновь вызывает своей зловещей магией (еретическими истолкованиями великих Книг человечества, отказом от гуманистических идей Просвещения, «массовой культурой») убийство и насилие как способ бытия человека. Не скрою – хотелось бы дожить до мирового судебного процесса над пропагандистами вандализма и насилия...

Поскольку я избрал для характеристики бестиариев всех времен и народов безотносительно к их рангу и так называемым «историческим заслугам» труды историков, не могу не поделиться с читателем некоторыми субъективными соображениями на этот счет. Во-первых, по профессии я не историк, а потому по неизбежности довольствуюсь для обоснования своих размышлений о классификационных типах йехуизма материалами, как говорится, не из первых рук, дающие отнюдь не однозначную трактовку проблемы. Во-вторых, нельзя объять необъятное, как говорил наш любимый герой, ибо

йехуистов–бестиариев предостаточно в истории любого этноса, любой цивилизации, особенно – в условиях цивилизации информационной, где они стремительно размножаются как грибковая плесень. Правда, с веками они уменьшаются в количественном отношении, но в той же прогрессии увеличивается их мощь. Ныне же они, при крайне мизерном их количестве, приобретают апокалиптическую силу, гипнотизирующую ошеломленное новыми историческими реалиями человечество.

Их многообразие невольно ставит под вопрос правомерность квалификационного подхода, ибо порою они кажутся принципиально несопоставимыми ни в одном отношении. Трудно отрицать тот факт, что Александр Македонский при всех его злодеяниях оставался лично беспредельно мужественным человеком, способным выносить любые тяготы военной жизни, умевшим страстно любить так, как он любил Роксану, быть верным другом соратникам и заботливым по отношению к воинам – македонцам военачальником.

Можно ли сопоставить его с таким бестиарием как римский император Нерон ? Родившийся вполне нормальным ребенком, тот по законам наследственности воспринял все наиболее отвратительное в римских Цезарях – жестокость, стремление все уничтожить на пути римских легионов, да и сами эти легионы в междуусобных конфликтах, восторг перед любыми картинами человеческих мучений и перед самой смертью. Воспринял – и развил в душе до гиперболических размеров. Ему были нужны факелы из живых мучеников на Аппиевой дороге во время праздников и огненный смерч над подоженным им Римом; публичное совокупление с Агриппиной, родной матерью, на носилках во время торжественных уличных процессий, а затем ее убийство и садистское наслаждение в морге от созерцания частей трупа той, кто дал ему жизнь и трон. «А собственное тело, - свидетельствует Светоний, - он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член оставался неоскверненным. В завершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив свою похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору; за этого Дорифора он вышел замуж как за Спора, и при этом кричал и вопил, как насилюемая девушка».

Вроде бы дистанция между двумя нашими героями – огромная, едва ли не беспредельная. Но различие относится лишь к бытовому поведению, но не образу бытия, который и у Александра, и у Нерона типично йехуистский, бестиарный. И образ этого бытия един у всех без исключения *yiehu–bestia*: человеческие страдания, кровь и смерть в любых масштабах, от вселенских до интимно – бытовых. Кстати, в душах бестиариев всегда в явной или скрытой форме живет мистический страх, подобный терзаниям Макбета – страх неизбежного возмездия самой природы, ее незыблемых законов. Не знаю, задумывались ли вы о финале каждого из бестиариев, которыми по мере приближения развязки овладевает панический, неопределенный страх перед неведомым ничто и желание сыграть продуманную роль в мировом театре истории.

Не поэтому ли все бестиарии: и те, которых постигает возмездие на пике их адского всемогущества, и те, которые геронтологическим долголетием испытывают судьбу, стремятся прижизненно определить наследника не по крови, но по сути деяний. Римляне мудро называли подобный хитроумный обычай **адоптацией (не путать с адаптацией !)**, не без оснований полагая, что прямой наследник или публично избранный преемник может отказаться следовать кровавым заветам предшественника, всем его беззакониям. Даже Гитлер, который явил миру идеальный образ бестиария и который породил в кратчайший срок миллионы подобных ему убийц, пытался перед спуском курка найти себе достойную адскую замену, следуя традиции римской адоптации. Ее коварная суть не меняется и в том случае, если ее прикрывает фиговый листок «демократических выборов» наследника по принципу адоптации. По сути все эти выборы в условиях всемогущества бестиариев превращаются в отлично отлаженный спектакль, исключая финал, негодный владыкам мира. Выйти за границы этого принципа, скрытого от глаз миллионов шумными и пышными театральными эффектами, в условиях государства никому и никогда не удавалось. Кто же пытается играть не отработанным бестиариями правилам, немедленно сходит со сцены либо в физическое, либо в духовное небытие.

Сложность квалификационного подхода в нашем случае особенно велика еще и потому, что история дала нам невообразимое многообразие бестиариев, и венценосных, и вполне заурядных. Охватить их – не по зубам одному человеку. Но в том-то и дело, что веками эквитисты внимательно прослеживают кровавый путь бестиариев, порою открыто выступают против них, а порою под маской эпикурейского равнодушия скрывают не менее суровое осуждение тех, кого я называю ошибкой природы. Конечно, ими уже накоплен океан свидетельских показаний и неоспоримых фактов для будущего судебного процесса истории, который в равной мере не может быть освоен, оценен и рационально использован одним человеком. Но наука, искусство и верования внимательно и с позиций эквитизма изучают его.

Так, мне недавно вполне случайно попало в руки поучительное собрание жизнеописаний «Все монархи мира», составленное историком Константином Рыжовым. Быть может, слишком поздно, ибо многое из того, что он обобщил из мировой исторической науки, моему поколению приходилось самостоятельно выуживать в фолиантах исторических трудов прошлого и настоящего. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда, ибо автор дает картину деяний бестиариев такого вселенского размаха, равной которой в исторической литературе до сих пор не было. Не мне судить, входило ли в его скрытый замысел обличение с позиций эквитизма всех бестиариев прошлого, промелькнувших на сцене мирового театра в самых разных одеяниях и разных по масштабу ролях, равно как и зловещее значение власти в системе государства. Но фактически перед нами предстает такая гигантская вереница кровавых монстров и такие их деяния (я не говорю об индивидуальных принципах поведения, порою вполне ординарных и не шокирующих воображение обывателя: ах, ах, Цезарь сажает капусту на свое вилле ! Ах, ах, бестиарий, уничтоживший нашу великую цивилизацию и погубивший миллионы человеческих судеб, увлеченно играет в теннис !), что сборник приобретает вполне сатирическое значение. И это значение усиливает прослеживаемый Константином Рыжовым универсальный и трагикомический факт: ни один беспощадный завоеватель, ни один самый кровавый бестиарий и его не менее кровавые пособники, мелкие бесята–йехуисты никогда не смогли сколь–либо долго удерживать власть и сохранять создаваемые ими государства самых разных типов.

Ибо они были и остаются ошибкой природы, но ошибкой самопознающейся и совершенствующейся от века к веку, понимающей, что им никогда и ни при каких условиях самого тотального кровавого террора и духовного вандализма не удастся воздвигнуть себе тот самый нерукотворный памятник, который всем эквитистам принадлежит по историческому праву как представителям породы Homo divinas. Не удастся, сколько бы бетона, гранита, меди они бы не потратили на прижизненные «александрийские столпы». Не удастся, ибо все эквитисты разных эпох и этносов могут сказать словами Пушкина от имени замученных и уничтожаемых без числа представителей рода человеческого:

За меня вы будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

Йехуисты – бестиарии меняются как и все на нашем свете, ловко приспособляются к новым историческим реалиям, умеют, если это необходимо, отказываться от прямолинейного презрения к эквитистам и выступать в ореоле их почитателей и ценителей. И в этом – тайна тайн логики их не только барского, но и заискивающего поведения по отношению к эквитистам – ученым, художникам, ко всем реальным творцам материальных и духовных ценностей, желание видеть их холуями в своей раболепной, традиционной свите. Так было, так будет и впредь, чему свидетельством является весь трагический опыт мировой истории.

В одном отношении мудрые историки, познающие все тайные и явные преступления кровавых бестиариев всех рангов, всех эпох и всех этносов не могут нам

помочь. Они даже не могли предвидеть той зловещей для человечества ситуации, когда всеми его судьбами начиная с XX века будут вершить несколько неведомых гномов – бестиариев, сосредоточивших в своих руках все основные богатства человечества, а потому и реальное влияние на исторический процесс. Тех бестиариев, которые вроде бы взяли реванш за все поражения предшественников в деле истребления рода человеческого, вызвав такую мировую бойню, о которые наивные предшественники наши не могли и думать даже в самых страшных фантазиях.

Миллионы и миллионы были брошены на бойню Первой мировой войны, наивно полагая, что первопричина всему – в том, что Вилли и Ники, немецкий и российский императоры, по-родственному не смогли договориться друг с другом. В действительности впервые сформировавшиеся как каста новых владык мира, обладающих несметными богатствами, а стало быть и властью, yiehu–bestia осознали необходимость чудовищного, невиданного ранее кровопускания дабы предотвратить «заразу революции», остановить те процессы, которые неумолимо, с железной необходимостью назревали во всем мире. В равной мере и в метрополии – цитадели бестиариев, и в бурлящих социальной ненавистью колониях. Это не удалось прежде всего благодаря могучему сопротивлению эквитистов, прекрасно осмысливших и усвоивших уроки истории.

Еще несколько десятилетий – и вновь самая истребительная в истории человечества Вторая мировая война, счет многомиллионным жертвам которой, увеличившийся на порядок, до сих пор не подведен, причины же так или иначе фальсифицируются тайными прислужниками нынешних бестиариев. Довольно фундаментально изучены те или иные поводы, которые мы по наивности принимаем за причины (кто перешел чьи-либо границы или аннексировал чужую территорию, какие блоки или союзы возникли во имя необходимости вести масштабные военные действия и т.п.) Глубинная и коренная причина была своевременно вскрыта только эквитистами самых разных либеральных, демократических и социалистических убеждений.

Теоретики, художники, вероучители показали сразу же после первой всемирной бойни, что бестиарии в итоге, и в перспективе потерпели поражение, что неизбежен новый и неодолимый Девятый вал революционных преобразований. Но бестиарии нового типа, уменьшив свои ряды и фантастически обогатившись как на людской крови, так и на достижениях человеческого гения в период научно – технической революции, осознали эту истину благодаря легионам своих пособников, мобильно и своевременно, спровоцировав новый крестовый поход против демократии и социализма. Здесь они оказались гораздо коварнее и хитроумнее, чем все владыки мира в прошлом, ибо руками поборников эквитизма уничтожили того фашистского монстра, которого специально и осознанно породили и одновременно сделали гигантский, впечатляющий шаг к разрушению тех стран, которые представляли в перспективе для них наиболее страшную угрозу.

Сейчас они пребывают в эйфории глобального успеха, в опьянении от своей действительной мощи, вновь истребляют миллионы людей и стравливают народы, опять – таки забывая об эквитистах, об их исторических прогнозах и действиях.

Не жалею, что был активным участником Второй мировой войны, что в моих руках был пулемет, что стрелял и убивал, ибо реально вопрос шел о жизни или смерти моего отечества, моего дома, моей семьи. Помните Сенеку: «Нравы каждый создает себе сам, к занятию приставляет случай». Индивидуальное поведение определяется отнюдь не осознанием тайных, пусть и самых зловещих, пружин истории. Но они - то в действительности существуют, что мое поколение воинов - победителей осмыслило лишь тогда, когда в абсолютном выигрыше оказались «побежденные», а моя страна – разрушена, и на руинах ее прозябают полунищие наследники «победителей». Более того, мир уже оказался втянутым в Третью мировую войну, разыгрываемую по тому же примитивному сценарию всемогущих тайных владык: сначала – локальные конфликты, а затем - неизбежная всеобщая бойня, без которой им не совладать с глобальной ситуацией противостояния миллиардов обездоленных горстке жирующих «избранников судьбы», тех, кто всерьез мнит себя не йехуистами, а «элитой».

До тех пор, пока все думающие и способные на действие люди не осознают, что не

только они, но и их короли, шейхи, правители, вожди, владыки, президенты - называйте как хотите соответственно реально существующим формам порочного государства - **выступают лишь как куклы на сцене мирового театра, но в тени остаются зловещие кукловоды**, подлинные бестиарии, деяния которых сопоставимы по масштабу с самыми страшными кознями Дьявола, человечество обречено на путь самоуничтожения, вполне реальный и провидимый. А начинается этот путь с любого убийства человека человеком, оправдываемого на духовном уровне, в бытовом сознании. Пока волна убийств и насилия будет нарастать без всеобщего осуждения и я бы сказал – омерзения, пока люди не будут прислушиваться к голосу эквитистов и следовать их мудрым, веками выверенным урокам, бестиарии не остановятся, ибо у них нет ни Бога, ни Совесть, ни Разума.

Появление первых, еще не достигших максимума своей вселенской силы бестиариев наиболее точно, словно благодаря магическому сейсмографу, зафиксировали великие литераторы. Кстати, прежде всего те, которых ныне пособники бестиариев выбрасывают из системы общего образования. Вспомим хотя бы знаменитый цикл очерков «В Америке», написанный Максимом Горьким в основном уже в 1906 году, и хотя бы вполне футурологический по характеру очерк «Один из королей республики». Писатель встретил вопреки ожиданию не всемогущего монстра, но почти слабоумного старика, который между прочим, не задумываясь, высказал оценку взаимоотношения капитала и власти. В его откровения столетней давности стоит вслушаться повнимательнее, учитывая несравнимую с возможностями этого примитивного миллионера силу нынешних тайных гномов – бестиариев, практически подошедших к абсолютной власти: «Хорошее правительство необходимо. Оно разрешает такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня все, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Но – ни одного лишнего. Тогда – не будет социалистов. И стачек. Правительство не должно брать высоких налогов. Все, что может дать народ, - я сам возьму. Вот что я называю – хорошее правительство... Мне нужно, - продолжал он уверенным и твердым тоном, - чтобы в стране был порядок. Правительство нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы. Если для этого недостаточно философов – пускайте в дело солдат. Здесь важны не приемы, а только результаты. Потребитель и рабочий обязаны уважать законы. Вот и все...»

Всегда в прошлом подобных коронованных и некоронованных владык-йехуистов прежде всего подкрепляла преступная власть государства, равно как и иллюзорная, исторически преходящая власть денег, несправедливое богатство, возмездие за которое – неизбежно, неотвратимо. Не стоит забывать, что вывод этот лежит в основе всех Великих Книг человечества, в основе всех вероучений, не искаженных церковной иерархией. Его исповедуют и те мученики рода человеческого, которых нормальные люди чтят как святых. Так, Святой Иероним говорил: «Как куропатки откладывает яйца и высидывает птенцов, кои никогда за нею не последуют, так и нечестивый располагает богатством, каковое ему по праву не принадлежит, и которое он принужден оставить, когда наименее того желает».

В силу опять–таки какой-то действительной дьяволиады ныне люди, как правило, игнорируют мудрость эквитистов–ученых, вероучителей, художников, выверенную тысячелетиями. Самых же эквитистов упорно ненавидят, если можно – уничтожают без зазрения совести всеми методами, или же – изуверски замалчивают, прикрываясь незнанием, ибо их сознание и поведение уже в основном регулируется бестиариями, владыками нынешних средств массовой информации, всего шоу–бизнеса, всей индустрией досуга, а главное – всей системой образования, всеми насильственно насаждаемыми нравственными догмами.

В полной мере подобная трагическая ситуация характерна и для нашей страны, еще недавно считавшейся одной из наиболее развитых в духовном, моральном, интеллектуальном отношении. Для страны, которая в девятнадцатом и двадцатых веках сделала все возможное для торжества Царства человечности уже при нашей жизни и на нашей многострадальной Земле. А теперь в ней быть эквитистом не только «не

престижно», но и попросту опасно для жизни.

В нашей прогностической литературе уже не первый год звучит голос двух уникальных мыслителей, которых слушают, но не слышат. Я имею в виду социологические прозрения Александра Зиновьева, о котором охотно говорят в околотературных кулуарах, но делают в то же время все для того, чтобы его мысли о роли бестиариев в трагической истории России нового времени была затушевана. Как ученый–эквилист, он называет все вещи своими именами, в том числе предателей – предателями безотносительно к их статусу в современной российской «демократической» действительности, будь то Горбачев либо Яковлев, а диверсии против России – изощренными и точно продуманными учеными и военными актами. «У нас, у русских, уровень самоорганизации самый низкий. Склонность к холопству колоссальная. Склонность к предательству выше, чем у других. Во всех службах и центрах Запада все это было принято во внимание, просчитано до мелочей. Советское руководство изучали педантично. Была открытая криминология и была секретная, с материалами которой мне приходилось знакомиться. Там очень сильный научный аппарат. Все это играло свою роль. Изучали, например, такую ситуацию. Русским приходилось выбирать начальника какой–то группы – партийной, комсомольской. Было два кандидата: русский и нерусский. В 90 из 100 случаев выбирали нерусского». Это – лишь один штрих к гениальным наблюдениям ученого – эквилиста, прогнозирующего пути уничтожения России, просчитанные гномами-бестиариями.

Недавно им выпущена новая книга – «Гибель русского коммунизма», читать которую спокойно и без слез не может ни один элементарно честный человек, не ангажированный бестиариями. В ней автор скальпелем логического анализа показывает, как и кто из пособников бестиариев готовил предательский, ренегатский заговор против нашей социалистической цивилизации и сколь точно им руководили новые йехуисты – бестиарии. В одном бы хотел возразить моему другу: пока жив хотя бы один человек, исповедующий ту или иную идею, бесполезно даже мечтать об ее исчезновении. Как известно, крот истории копает глубоко и неодолимо, что прекрасно понимают эквилисты наших дней, остающиеся незыблемыми поборниками реального гуманизма.

То, что вскрывает как социолог–писатель Александр Зиновьев на основе многочисленных и уникальных наблюдений, как гуманист, изначально чуждый примитивному шовинизму, обосновывает с позиции современных информационных технологий Сергей Расторгуев в последних книжных публикациях: «Философия информационной войны» и «Анатомия причинно-следственных связей». Он не только поддерживает мысль о глобальном влиянии в современном мире гномов-бестиариев, об их извечной биологической ненависти к России и роковом влиянии на процессы, нарастающие ныне в нашей стране необратимо, но, пожалуй, впервые в научной литературе препарировывает все тайные пружины этого влияния скальпелем научного анализа блистательного ученого–информатика, взывая к бдительности и совести всех мыслящих людей. Пока еще не поздно, пока еще в нашей человеческой Вселенной не воцарился тотальный терор убийц и насильников, пока не началось истребление миллиардов негодных, «неполноценных», «изживших себя» народов. Он предупреждает, что ныне «сложилась ситуация, в которой целенаправленные информационные воздействия на средства вычислительной техники, на общественное и индивидуальное сознание по своей эффективности стали определять дальнейшее развитие человеческого общества. Информационное противоборство пришло на смену обычным войнам. При этом, зачастую, военные операции или террористические акты выступают в качестве одного из элементов информационного противоборства». А пока в этом противоборстве бестиарии побеждают.

Любопытный и отрадный факт, опять-таки вселяющий в сердце неколебимую уверенность в будущем России, в традиции ее духовности: книги Александра Зиновьева и Сергея Расторгуева издаются мизерными тиражами, но резонанс, производимый ими, несоизмерим с миллионными тиражами очередных ландринных изданий посредственных властных политиков, ежегодно толпами, словно в Дантовом аду, уходящих в небытие.

Не зря гуманисты – мыслители XX века активно пропагандируют тех эквилистов

прошлого, которые могли с открытым забралом противостоять не только отдельным военным преступлениям (скажем, подвигам прославленных полководцев), но и войнам вообще как преступлениям против нормального бытия человека. Вчитайтесь, например, в мудрое повествование о Байроне Андре Моруа, сумевшего показать подлинное величие поэта как одного из величайших и бесстрашных эквитистов: «Больше всего нападал он на войну. Он посылал Жуана на осаду Исмаила во время русско-турецкой кампании, чтобы показать, как мало стоит жизнь человеческая для этих мясников, торгующих оптом и управляющих нами. Он издевался над военной славой, над этикетом ловцами чинов и медалей, которые отдают жизнь за галун, за цитату, где нацарапано их имя, за возвышение Суворовых, Веллингтонов. Человек, осушивший хотя бы одну слезу, - говорил он, - более заслуживает честной славы, чем тот, кто проливает целые моря крови...»

Не будем кривить душой – лишь немногим дано быть на практике эквитистами в условиях беспредельного влияния государства, действительно без меры жирующего на человеческой крови. И недаром мы, обычные люди со всеми человеческими слабостями и традиционными, навязанными извне нормами поведения называем подобных людей рыцарями без страха и упрека, будь то ученые, великие вероучителя, а то и революционеры, осмыслившие несправедность мира насилия и уничтожения человека человеком и восставшие на него. Здесь звездами первой величины в пустыне всеобщего страха навсегда останутся и старые большевики, провозгласившие вместе с Лениным войну войне и мир всем народам, и Ганди, обобщивший тысячелетиями отработывавшуюся народами Индостана мудрость о непротивлении злу – насилию. Но и подвиг, совершенный ими во имя торжества Homo divinas, был бы лишь гласом вопиющего в пустыне, если бы осмыслением и беспристрастной анатомией всех бестиариев не был бы посвящен в наибольшей мере **третий путь откровения, а именно – художественное, то есть искусство всех времен и народов.**

Конечно, на всех путях постижения истины человеческим духом эквитисты занимают отнюдь не доминирующее положение. Не стоит еще и еще раз напоминать, сколько мыслителей в разные эпохи и у разных этносов оправдывало насилие и войны как их высшее выражение. Сколько эпигонов великих вероучений пытались исказить смысл священных Книг человечества в угоду непрекращающемуся самоистреблению человечества. А уж о писателях и художниках и говорить нечего – не было и нет для них более прибыльного занятия и способа получения достойного заработка от всемогущих властителей, чем возвеличивание их кровавых деяний, чем поэтизация войн, грабежей, истребления народов, чем создание патетических маршей.

Когда читаешь их увлекательные повествования о поголовном истреблении индейцев Америки героями-ковбоями, вышедшие из-под пера с детства всем известных классиков, когда смотришь на батальные полотна великих художников, преуспевших далеко от града пуль, в теплых и ухоженных мастерских, когда смотришь милитаристские фильмы, где количество распоротых животов и проломленных черепов превышает все кадры ленты, невольно с бессильной злобой думаешь об этих пособниках бестиариев: Тебя бы хотя бы на час, нет – на минуту в окопы Сталинграда, в наступление миллионов и миллионов живых людей по всему фронту, от Мурманска до Черного моря ! Но нет – они всегда выбирают себе иную судьбу и по какой-то странной закономерности всегда оказываются не там, где вопли и стоны умирающих, не там, где миллиарды уходят в небытие. Но в том-то и дело, что подобная неоправданная злоба длится у действительных бойцов минуту-другую, и сразу же проходит как дурное наваждение. Срабатывает почти пещерный общечеловеческий рефлекс: Не желай своему ближнему того, что ты не пожелал бы себе !

Вспоминаю в этой связи один, быть может - излишне резкий диалог с известным, ныне уже покойным, кинорежиссером. В первые же дни войны он провожал на фронт меня и моих сверстников по школе, а потом и сам ушел в московское ополчение. Каково же было мое удивление, когда из абсолютно достоверных источников узнал, что уже в эшелоне он умудрился выпить какой-то специальной бурды на основе скипидара, в результате чего был, как говорилось в те лихие годы, «комиссован» и отправлен «как

ценный кадр» в далекий тыл, в свой студийный коллектив. Я бы и не приводил подобный эпизод, касающийся лишь совести кинематографиста, поставившего далее веселые фильмы. В конце концов можно если не оправдать, то понять дикий страх сытого, благоустроенного горожанина, который завтра должен идти в гимнастерке по полю навстречу все разрывающей, терзающей, перемалывающей человеческое мясо и кости стали. И если вы всерьез думаете, что каждый из солдат моей пулеметной роты, да и я сам как командир с кинематографическим азартом всегда выскакивал из окопа и лихо шел навстречу шквальному артиллерийскому налету и минометному обстрелу, выкрикивая газетные лозунги, то вы глубоко заблуждаетесь, ибо находитесь под влиянием примитивных стереотипов о повседневности войны. Тех, которые вырабатывают у нас средства массовой информации во время неумеренного их потребления в благоустроенных квартирах. Поэтому – **не суди, да судим не будешь**.

Всегда как рядовой солдат Великой Отечественной я довольно спокойно реагировал на подобные факты, которые неизбежно выявляются с годами. Так, знал, что уважаемые мною ныне почти девяностолетние известные профессора в свое время ловко избежали фронта, ухитряясь готовить в тылу к боям... женщин, либо оказавшись каким-то неведомым образом «забронированными» как ценные педагогические кадры Подмосковья. Знал – и не позволял никакой даже малейшей интонации осуждения, теперь – уже вполне бесполезного. Иногда – вспыхивал чрезмерно эмоционально, за что корю себя и поныне. Так, моим научным руководителем в начале пятидесятых годов был некий член Союза писателей, который всегда во время войны ходил в каракулевой папаше полковника, хромя и опираясь на палку. Ну, совсем боевой вояка, который на самом деле переболел в детстве полиомиелитом. Ладно, и этот маскарад – вполне простителен, ибо здоровым мужикам ходить в штатском среди женщин и подростков в русских городах было просто опасно. Взорвался лишь тогда, когда узнал, что мой «папахоносец» умудрился в самые тяжелые месяцы московской обороны присвоить все продовольственные карточки коллег–литераторов, за что и понес серьезное партийное наказание. Не выдержал – и за два дня до защиты отказался от его руководства, что неожиданно и спокойно поддержал мудрый руководитель Института, сам – фронтовик.

Теперь вы легко можете представить и мое потрясение, и вполне фольклорный в исконно русском стиле ответ на вопрос близкого и симпатичного мне коллеги–кинематографиста, который однажды растерянно спросил, что он должен написать в какую-то обратившуюся к нему газету о личном участии в войне ! Так что не всякий творец в художественной сфере изначально противостоит бестиариям. Скорее - наоборот: художники, смело раскрывавшие их йехуистскую суть, всегда по-неизбежности были мучениками, достойными ореола святости. Где и кто испытывал такую личную трагедию, такие муки от бестиариев, как Омар Хайям, как наш Радищев, который действительно «зрил сквозь целое столетие» и предрек неизбежный конец преступной и кровавой немецкой династии Романовых ? Кто, как не русские поэты и писатели, отстаивавшие антибестиарские убеждения и лелеявшие надежду на разумное благоустройство общества, шли на эшефот и в ссылку, подобно Рылееву и Кюхельбеккеру, подобно Спешневу и Достоевскому ? Кто, как не русские деятели искусства, которые ныне у всех на слуху, могли смело противостоять действительно бестиарским и отнюдь не только физическим репрессиям конца тридцатых годов, о которых я расскажу далее и вполне откровенно, без идеологических иллюзий, которые стали моей второй натурой ?

Надеюсь, что нет необходимости на цепь исторических событий нанизывать все новые и новые имена великих мастеров искусства – мучеников, которые, к сожалению, не канонизированы ни одной церковной иерархией. Кстати, наши литературоведы и искусствоведы давно уже помогли нам в понимании роли такого рода эктивистов от искусства. Прочитайте, например, от корки и до корки «Историю всемирной литературы» в восьми томах, созданную действительно уникальными специалистами в области теории и истории литературного творчества – и вы согласитесь со мною.

Конечно, протест художников против нараставшего от века к веку рокового влияния бестиариев не всегда был эпатирующе – революционным и бесстрашным. И не всегда он выражался в личностном поведении художников – эквитистов, способных как Хемингуэй,

как Гарсиа Лорка, как Юлиус Фучик, как Роман Кармен пойти на прямой бой с бестиариями. Бывают времена, когда даже призыв к уходу от активной социальной деятельности, от омерзительной жизни имел подобное значение для сознания (а точнее – для интуитивного прозрения) современников, рассматривавших их как эталон совести и порядочности. Если Эпикур провозглашает тезис: Проживи незаметно ! и если Овидий, многострадальный Овидий, пишет в «Скорбных эллегиях»: Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно, то трудно не заметить, что это призыв эквитистов к пассивному, но в итоге – к неодолимому сопротивлению бестиариям.

Не буду углубляться в исторические параллели. Ибо, как мне кажется, ныне важнее прислушаться не только к бессмертному голосу художников-эквитистов прошлого, но и к тем трагическим предупреждениям, которые доходят до нас от наших современников, людей предельно обостренных к справедливости чувств и одаренных загадочным даром прорицателей, перед прозрениями которых Пифия – лишь наивное дитя, а вещая Кассандра – лишь женщина с болезненно обнаженной нервной системой. Не слушать их ныне, когда надвигается запланированный бестиариями час их полного и абсолютного торжества – значит совершать акт преступления перед будущими поколениями, перед грядущим свободным и радостным Homo divinas.

Владыками современного мира, (а стало быть – и всех средств массовой информации, всех новейших информационных технологий), тайными бестиариями, по мощи и сплоченности которым не было равных в истории, делается все возможное для того, чтобы подобные предупреждения были предельно локализованы, чтобы они воспринимались как ошибочный сигнал обреченной системе. Назову лишь один пример – классическое произведение Дж.Оруэлла «1984», которое практически неизвестно большинству молодых читателей, и не только в России. В России его роман был фактически запрещен теми, кто готовил предательский переворот 1991 года и заранее планировал всеобщую йехуизацию населения моей прекрасной Родины. А ведь утопия Дж.Оруэлла не детская кинематографическая сказочка об ужасах космических войн и о смелых янки, спасающие чужие миры от тоталитаризма. Это – утопия в том же смысле, как и «Город солнца», как и прозведение Томаса Мора «Утопия», как и повествование Рабле о Телемском абатстве.

Технологии уничтожения свободномыслящих людей (кстати, и при помощи отлично продуманной системы образования) и подмена во всех сферах искания истины правды – оголтелой ложью отнюдь не единственны в арсенале современных бестиариев, которые **практически перешли к осуществлению своего тотального и универсального господства над всем населением планеты**. Уверен – произойдет это в таком темпе, что если им не сумеют противостоять эквитисты, и даже мы, люди уходящего поколения в возрастном отношении, будем очевидцами военных катаклизмов вполне в духе утопии Дж. Оруэлла. Применяют они и **прием подсадной утки**, смещая координату мыслительных поисков человечеством реальных причин всех бедствий. Сколько написано (и весьма щедро оплачено) о происках массонов, хотя ни один сколь – либо серьезный историк не подтвердил реальность их зловещей силы и даже само их существование как переходящей от века к веку тайной организации ! Но слово – пущено в оборот, и любой мещанин с интеллектуальным уровнем героя Булгакова – Шарикова считает модным порассуждать на этот счет. Кстати, так создается весьма действенный образ скрытого врага, о котором любит порассуждать йехуист – невежда, абсолютно не ведая, что он творит как пособник бестиариев.

А уж что касается «мирового заговора жидов», то тут уж все приобретает почти полуофициальную поддержку далеко не только у нас, в России. Общеизвестно, что антисемитизм захлестывает ныне и Англию, и Францию, и Германию, а уж тем более – США, где особенно силен (как и в тридцатые годы в Германии) еврейский капитал. Конечно, для антисемитизма есть весьма серьезные причины, которые не устранить лишь на уровне идейной полемики. Некоторые из них надо искать и в многотысячелетней истории еврейского народа, который оказался в диаспоре, то есть в рассеянии еще со времен уничтожения Ассирией и Вавилоном в древности двух небольших, но весьма агрессивных государств - Израиля и Иудеи. Скитаясь из страны в страну, перебираясь с

континета на континент, евреи всегда, по Завету Моисея с Богом, несли убеждение в том, что они и именно они – избранный богом народ, избранные как на страдание, так и на его искупление в Новом Израиле. Так наряду с экономическими и религиозными причинами тысячелетиями действовал и некий психологический феномен, питавший антисемитизм.

Приведу в этой связи весьма любопытное умозаключение французского философа – ориенталиста XIX века Эрнеста Ренана, широко известного по книгам о Христе и Антихристе. Он писал: «Не может не быть какого-нибудь основания в том, что злополучный Израиль всегда был народом, обреченным истреблению. Если все нации и все века вас преследуют, должен же быть какой-нибудь повод к этому. Иудей, до нашего времени, всюду втирался, требуя общего права: но в действительности иудей не принимал общего права, он хранил свой особый статус; он требовал таких же гарантий, как для всех, и сверх того, изъятий, своих собственных законов. Он желал пользоваться преимуществами нации, не участвуя в тяготах нации. Ни один народ никогда не мог вынести этого. Нации – создания войны, основанные и поддерживаемые мечом; они дело крестьян и солдат; иудеи вовсе не содействовали их установлению. В этом великое недоразумение иудейских претензий. Иностранец может быть полезен для страны, но с тем условием, чтобы он не наводнял ее. Несправедливо требовать прав члена в доме, который не строил, как это делают те птицы, которые водворяются в чужих гнездах, или ракообразные, завладевающие раковиной другого вида». Новая история, как мне представляется, в определенной мере подтверждает гипотезу Э.Ренана и вместе с тем опровергает вполне основательно выгодный бестиариям миф о демонической и роковой силе евреев всегда и вообще, безотносительно к конкретной ситуации. В том числе и тогда, когда воссоздано их собственное государство. И миф этот, тиражируемый миллиардными тиражами в современных средствах массовой информации, действительно срабатывает как подсадная утка, отвлекая йехуистов всех мастей от осмысления реальной роли бестиариев в нашем мире.

Есть полная аналогия с подобными мифами и в нынешнем всплеске антиисламских настроений в Европе и США, и в жупеле исламского фундаментализма, разные ужасы которого муссируются в средствах массовой информации. Внешней причиной здесь вроде бы послужил террористический акт в Нью-Йорке в сентябре 2001 года, а ранее – алогичные, далекие от понимания образованного человека действия талибов в Афганистане. А в итоге – греющее душу «западного человека», а точнее – йехуистов в Западном мире ощущение своего исконного духовного превосходства. Его подкрепляет и вопиющая бедность большинства стран исламского мира, где самодовольный и туповатый мещанин–европеец или американец видит завалы бытовых отходов и приплясывающих около автобусов (совсем так, как отплясывали Остап Бендер и Киса Воробьянинов на Военно – Грузинской дороге) в ожидании «бакшиша» аборигенов. Им всем и невдомек, что в действительности после расцвета арабской цивилизации в Средние века, давшей миру великих ученых и поэтов, астрономов и философов, медиков и математиков история могла пойти и по другому пути, если бы не бесконечные и всеистребляющие войны. Но этот путь не устраивал и не устраивает бестиариев, которые считают себя правомочными вершителями судеб народов и цивилизаций на основании своих (обратите внимание !) «государственных интересов».

Пора признать со всей определенностью, что попытки объяснить все нынешние военные катаклизмы вне контекста подготавливаемого гномами – бестиариями кровавого реванша за все предшествующие исторические неудачи претендентов на мировое господство и тем более на тотальное влияние на человечество обречены на неудачу. Пора сказать всеуслышание: «Люди планеты Земля ! Вдумайтесь, что сулит человечеству, всем вам безотносительно к расе, этносу, социальному положению грядущее господство гномов- бестиариев. Мы еще можем, еще способны сказать, опираясь на тысячелетние традиции самоуправления «Нет !» этим йехуистам–бестиариям».

Анализ бестиариев – первый шаг на пути классификационного подхода к выявлению их типологии. Естественно, подобный шаг – и самый трудный, ибо мы сразу же оказываемся в мутном водовороте всевозможных типов йехуизма, отстоявшихся и

устоявшихся в человеческой мути. И о каждом из подобных типов не только хочется порассуждать, но и обратить внимание читателя на их специфическую, но всегда зловредную для развития Homo divinas своеобычность.

Начнем с тех типов йехуизма, которые непосредственно обслуживают бестиариев как их свита, как тот контингент, который наивно полагает, что существует реальная перспектива для его отдельных представителей прорваться в высшие эшелоны йехуизма. Далее, в завершение квалификационного подхода к проблеме йехуизма, постараюсь проанализировать иной фланг общего фронта человеческой дьяволиады, тех мошек, которые вполне мелкотравчаты, но могут загнать в болото и слона. Конечно, охватывая подобный широкий диапазон йехуизма, рискую упустить некоторые частности, без чего нельзя обозреть весь зловещий спектр homo vulgaris. Но не следует забывать, что он адекватно отражен и в мировой науке, и искусстве, и в великих верованиях, созданных гением эквитистов, этой надеждой человечества.

Скажем, может ли любой эквитист пройти мимо **yiehu-ignorantia** или йехуиста–невежды? Я имею в виду не человека без достойного и необходимого для той или иной цивилизации образования в силу индивидуальных условий его бытия, порою – вполне трагичных. Среди массы подобных «необразованных» людей есть эквитисты высшей пробы, способные и на подвиг с борьбой с бестиариями, и на создание атмосферы их полного неприятия, то ли на основе юмора, то ли на основе могучей силы общественного мнения. Едва ли Спартак был образцом образованности, но его эквитизм потряс самые основы господства бестиариев в Древнем Риме. Люди, подобные Спартаку (а они проявляли свою отвагу и человеческое достоинство задолго до него, в период первых триумфов зашагавших по миру римских бестиариев) научили, по крайней мере рядовых римлян–йехуистов разумной осторожности в обращении с рабами.

Не зря мудрый и предельно осторожный Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» вопреки общепринятым канонам поучает друга: «Изволь-ка подумать: разве он, кого ты зовешь рабом, не родился от того же семени, не ходит под тем же небом, не дышит, как ты, не живет, как ты, не умирает, как ты? Равным образом и ты мог бы видеть его свободнорожденным, и он тебя – рабом. Когда разбит был Вар, фортуна унизила многих блестящих по рождению, готовых через военную службу войти в сенат: одних она сделала пастухами, других – сторожами при хижинах. Вот и презирай человека того состояния, в которое ты сам, покуда презираешь его, можешь перейти».

А разве легендарный Ходжа Насреддин был образованным, подобно Авиценне, человеком? Но ведь и он стал эквитистом, влияющим поныне на способ бытия отнюдь не только народов Востока. Даже на наш с вами, читатель, хотим мы того или не хотим.

Невежда как образец особого типа бытия – явление хитроумное и отнюдь не простое, я бы сказал – выбитое из цивилизационного поля той или иной конкретной эпохи, этноса, а посему – вполне однозначное. Вот почему мы можем говорить о йеху-невежде как о непреходящем историческом явлении, позволяющем нам наколоть его на определенную булавку в конкретном месте классификационной схемы. Рассказав о сэре Джоне Фальстафе либо о красавчике – антипode Сирано де Бержерака, вспомнив «флотоводцев», не сумевших предотвратить гибель могучего русского флота под Цусимой либо некоторых наших партийных «лидеров» конца восьмидесятых годов прошлого века и демократических лидеров девяностых годов, мы как бы определяем, подчеркиваю – «лишь как бы», на интуитивном уровне, вне теоретического обобщения на рациональном уровне сущность йехуиста-невежды, что нам еще предстоит сделать.

Дабы не увлекаться подобного рода примерами, по неизбежности уводящими нас в дебри истории, из которых уже будет трудно выбраться в силу увлекательности многообразия типов невежд, сошлюсь на всем хорошо известный на личном опыте образ современного ученого – невежды. Как-то мне довелось по доброте душевной поручиться за одного невзрачного, не в меру выпивавшего, опустившегося и безобидного на первый взгляд преподавателя и пристроить его в академический институт. К моему удивлению он вдруг зашагал там семимильными шагами, словно какой-то джин дал ему сапоги–невидимки. Он всегда мудро молчал в острых дискуссиях – и прослыл интеллектуалом. Он написал увесистый фолиант – и никто не мог ему сказать простой и очевидной правды

о компиляторском значении его работы, ибо вокруг него были крупнейшие ученые, со страхом после многочисленных идеологических проработок относившиеся ко всем «выдвиженцам» из крестьянской среды.

Его общая эрудиция привела в неопишное уныние мою мать, выпускницу Московского Елисаветинского Института. Испытывая ко мне на первых порах (естественно, далеко не бескорыстную, но с расчетом на ближайшее будущее) симпатию, он с охотой выезжал со мной в поездки под бытовавшим в ту пору грифом «научного туризма». Здесь, бок-о-бок с ним, я увидел и постиг нечто невообразимое. И дело не только в том, что он в первый же день пребывания в Англии попытался напиться из биде, что в музее Берлина он не мог понять различия Моне и Мане, что его приводили в состояние нервного транса многочисленные вилки, ножи, рюмки, расставленные на белоснежных скатертях. В конце-концов все ценностные нормы может усвоить любой, самый неразвитый, дикий человек.

Любопытнее другое – он оставался самим собой, без какой – либо продвижки мысли и озарения чувств, а на родине продолжал так же скучно пережевывать студентам и аспирантам истины, почерпнутые им в годы учебы. Правда, с одним новым акцентом – с придыханием в рассказах о том, что он увидел «на Западе». Разительная продвижка произошла, когда подул ветер роковых перемен для России, и мой приятель вдруг «полевел», усвоил лексику «свободомыслия» (с моей же неизменной точки зрения – словоблудия, о чем я писал в ту пору, пишу и сейчас) и стал сразу же хулить то, что сделало его, деревенского паренька, человеком – социалистическую Россию. Она, с его точки зрения, ничего не дала человечеству в области теоретической мысли, ибо таковы ее традиции, ее беды, порожденные чрезмерным влиянием на интеллигенцию идей декабристов, революционеров–демократов, народовольцев. Политическая направленность русской мысли, с его новой точки зрения, закрыла перед ней дорогу в большую философию.

Полагаю, что вы вместе со мною назовете сотни и тысячи таких йеху-невежд и на основе исторического опыта своего этноса, и на его литературе, и на своем краткосрочном как у мотылька жизненном опыте, ибо всем наверняка случалось едва ли не ежедневно встречаться с представителями этой неистребимой человеческой породы. Здесь даже не надо еще раз перечитывать Бальзака и Гоголя – стоит внимательнее всмотреться в реальность эпохи информационной цивилизации. В таком случае без особых теоретических мудрствований легко заметить еще одну характеристическую особенность этой породы – **стремление ее представителей утверждаться не там, где бы им следовало показать свой интеллект, верования, чувства, то-есть не в специфической форме человеческой деятельности, но прежде всего на любом этаже властной лестницы.** В науке такой йехуист стремиться забраться повыше как «организатор науки», хотя - да простит меня Всевышний, - до сих пор не понимаю, что эта за ступенька в табеле о рангах и почему ее занимают почти всегда невежды.

Только не надо приводить как пример общеизвестный факт привлекательности великих ученых, вокруг которых словно около пророков всегда естественно образуется школа, или институт, или даже Академия, ибо подобного рода эквитисты в науке привлекают к себе гениальностью, неординарностью мысли, но отнюдь не авторитетом кем-то врученной им должности. Здесь мне почему-то приходит на память почти девяностолетний симпатичный аксакал, увенчанный всеми академическими педагогическими званиями за многолетнюю партийно-административную деятельность, пунктуальный до крайности. Он всегда в 9.00 уже на рабочем месте в Институте, всерьез убежденный, что его ежедневное отсиживание за столом, которое он лишь один без юмора считает служением «большой науке», продуктивно, хотя он сам бесплоден как смоковница. Впрочем, не совсем, ибо недавно поведал миру, что до него никто в России не понимал значения гражданского воспитания. Умри, Денис, лучше не скажешь...

В искусстве, где невежественность высвечивается почему-то наиболее интенсивно, молодые йеху-невежды сразу же после окончания того или иного художественного учебного заведения косяками устремляются опять–таки в коридоры власти, дабы управлять искусством. Им и невдомек, что уже давным–давно все великие отметили, что

надо обладать большой мерой идиотизма, чтобы полагать возможным управление свободным художественным творчеством. В просвещении также стало общим местом, что сколь-либо смышленный, развитый, образованный человек никогда не пойдет в «управленцы», если, конечно, он не хитроват и не себе на уме, выстраивая жизненную перспективу отнюдь не как кабинетный бумагомаратель. Далеко обойдя, конечно, своих бесчисленных сослуживцев, снующих наподобие крыс из кабинета в кабинет многомильных коридоров просвещенческих ведомств, создавая вредоносную иллюзию активной деятельности.

Умножение йеху-невежд в период, **когда бестиарии, забыв об историческом опыте и убежденные в достигнутом наконец космическом всесии**, идут ва-банк, не стесняясь никаких угроз в любой адрес на нашей планете, отнюдь не случайно. Ведь не надо никакой массовой лоботомии, чтобы найти исполнителей самых чудовищных проектов организации «нового порядка». Невежда всегда и везде готов на все во имя одной улыбки, да что там - одного кивка всесильного владыки. И в первую очередь они всегда готовы словно цепные псы броситься на неординарного, талантливого человека, подлинного эквитиста. Здесь принципы не имеют значения – был бы дан приказ или даже намек на него.

Вспоминаю и один личный грех перед эквитистами, ибо сдался как директор издательства под давлением партийных функционеров высокого ранга, убеждавших меня срочно выпустить весьма посредственную брошюру одного из работников Министерства просвещения. «Молодой, выдвиженец из провинции, твердых, неколебимых марксистских убеждений» - напевали они мне, директору издательства, весьма настойчиво и многозначительно. Не выдержал – и издал. А далее он опять-таки словно тесто на дрожжах стал надуваться, зашагал по властной лестнице и достиг «степеней известных».

Здесь нет никакой тайны – просто он стал травить везде и повсюду по указке прислужников бестиариев более высокого, чем они, ранга одного из активистов в области педагогики, человека, который впервые заставил у нас миллионы и миллионы читать педагогическую литературу – В.А. Сухомлинского. И причем травить вроде бы с «партийных позиций», ратуя за классовый подход и обличая «абстрактный гуманизм» великого педагога и писателя. И сумел-таки затравить его до смерти, ибо В.А. Сухомлинский всегда носил около сердца осколок немецкой мины, не подлежавший операционному извлечению. Он прочитал очередной поклеп обласканного властями йехуиста на свои педагогические искания в «Учительской газете» и сразу же скончался. Ныне нет с нами В.А. Сухомлинского – но его действенный гуманизм неукротимого бойца живет во все новых и новых трудах талантливой молодой поросли теоретической и практической педагогики. Йехуиста же, затравившего его, ныне почти никто не вспоминает, быть может – из чувства естественной брезгливости и академической солидарности ученых-эквитистов. Еще немного – и этот йехуист навсегда уйдет в забвение...

Эквитисты в России с первых же дней революции предупреждали, что нет и не может быть для нее большей опасности, чем невежество. Но тщетно призывали они всех штудировать бессмертное «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского, «Тартюфа» Мольера, «Историю одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Тщетно убеждали они власть предержащих в том, что ни о каком социализме в России не может быть и речи без определенного уровня образованности всего населения и прежде всего – при опоре на выдвиженцев, лишенных необходимой культуры. Кстати, отлично понимали это и сами выдвиженцы, в силу эквитистского рефлекса не жалевшие сил для постижения азов современной цивилизованности. Вспомним хотя бы неукротимое стремление к самообразованию, блистательно показанное Михаилом Шолоховым в образах «Поднятой целины». Люди, подобные героям М. Шолохова, сумели вырваться из тьмы необразованности к свету высочайшего знания, что и предопределило во многом превращение России в могучую державу, и прежде всего – в интеллектуальном, духовном, творческом отношении. Оболгать этот процесс никому не дано – из песни слов не выкинешь.

Но сегодня, задумываясь о цепи причин, предопределивших крушение той

системы, в которой многим виделась заря новой человеческой цивилизации, вновь и вновь задумываешься о невежестве, и прежде всего тех, кто волнами приходил к рулю управления великой страной, а в итоге дал возможность бестиариям сокрушить эту цивилизацию. Складывается впечатление, что многие десятилетия именно они диктовали правила «номенклатурного» подбора и расстановки кадров на руководящие посты как у нас, так и во многих других странах. И первое из этих правил – не подпускать к рычагам управления ярких, самобытных, талантливых людей, способных не только самостоятельно мыслить, но и активно действовать как эквитисты.

В соответствии с избранной мною установкой на анализ лично пережитого, постараюсь обосновать свою мысль не на основе размашистой критики высших эшелонов власти, что стало признаком хорошего тона для протестующей журналистики и публицистики демагогического плана, подобных флюгеру. В сороковые–пятидесятые годы систематически разъезжал по стране, побывал почти во всех ее регионах, от Владивостока до Карпат. Зачастую воочию видел, каким подвижническим был труд секретарей районных комитетов партии, комсомольских вожаков. Живя совместно с ними отнюдь не в специальных апартаментах, но в заурядных гостиницах и полевых вагончиках, наблюдал, что всегда в четыре–пять часов утра они уже были либо на предприятиях промышленности, либо на полях колхозов или совхозов. Но что-то дальше, особенно к концу семидесятых годов, сломалось, дало трещину в этой подвижнической традиции. И вот – лишь одно наблюдение, сугубо личное и вместе с тем – отражающее абсолютно типичное для той поры положение дел, когда возобладала казенщина и стандартность мышления, когда в топорно отработанной «системе» мог успешно сохранять свое теплое местечко любой раз и навсегда попавший в номенклатурную обойму дебил.

Однажды в Институте, которому я отдал более тридцати лет жизни и который примечателен прежде всего уникальным по многообразию талантов коллективом, из пустовавшего долгое время кабинета проректора по научной работе вышло существо неопределенного пола с замызганным портфелем подмышкой. Если использовать современную весьма образную терминологию, это существо можно было бы назвать бомжем, если бы... А вот тут-то и загвоздка, ибо существо, оказавшееся женщиной, было... новым проректором по науке. Тщетно пытались некоторые изумленные и наивные профессора разведать, чем знаменита эта женщина, каков ее авторитет в научных кругах. Впрочем, поиски дали некоторые плоды, ибо на поверку новый научный руководитель оказалась бывшим секретарем по идеологии одного из московских райкомов партии. Она ежедневно перебежала со своим неизменным портфелем из аудитории в аудиторию, ошарашивая преподавателей разных дисциплин глупейшими замечаниями. Так, на одной из моих лекций о драматизме бытия она уверенно заявила, что при советской власти нет и не может быть никакого драматизма! Убежденный в том, что невежды, не получая отпора, идут далее напролом как кабаны в лесной чащобе, что при этом они способны травмировать тонко организованные натуры, решил дать «проректору по науке» небольшой предметный урок. Однажды, как всегда – не спросив разрешения, она вдруг оказалась в огромном лекционном зале в порядке очередной «проверки» моей политической лояльности. Как сейчас помню, темой лекции была теория и история драматургии от Аристотеля до Лессинга. Обратившись к аудитории (способной нутром ощущать комедийность ситуации, ибо это были режиссеры драматических театров из разных регионов России), тепло поприветствовал «проректора по науке» и вежливо предоставил ей место на трибуне, заявив, что проверяющий всегда сам способен показать образец теоретической и методической культуры. Услышав всеобщий хохот, она вылетела из аудитории с такой скоростью, словно под ее форменной юбкой находился скрытый реактивный двигатель. Видимо, этот двигатель работал еще довольно долго, ибо вскоре наш проректор уже осваивал роль продавца на каком-то московском рынке.

Невежд, к сожалению, активно плодит современная система образования повсеместно, и отнюдь не только в нашей забитой России. Финансировать же для них «теплые местечки» без каких-либо ограничений бестиарии считают (и не без основания)

весьма прибыльным и перспективным делом. Подумайте хотя бы спокойно и непредвзято о таком факте - даже при полной нищете большинства населения России ежедневно создаются Комитеты и Подкомитеты, Комиссии и Департаменты, Фонды и организации Уполномоченных, строятся для них виллы и дворцы ! Вслушайтесь – ныне чиновников в России более четырнадцати миллионов человек, что практически было бы невозможно в обществе, основанном на самоуправлении. И вокруг них идет такая немыслимая круговерть иллюзорной деятельности, которая психологически травмирует любого, самого бывалого обывателя, бегающего из многократно из одной инстанции в другую за какой – то ненужной резолюцией или визой. Подобное (быть может, без русского масштаба) происходит целенаправленно и организовано во всем мире, где «крапивное семя» функционеров всех типов умножается словно неистребимые тараканы и уже исчисляется сотнями миллионов. Кто и когда смог бы найти подобную армию эквитистов, готовых жизнь отдать за благо других людей, или просто элементарно культурных (я уже не говорю – образованных !) функционеров, каковыми они и должны быть в идеале ? Это – не только наша печальная «расейская» действительность, но глобальное, всесветское безобразие, тщательно спланированное бестиариями. Иное дело, что в Азии или Африке забитые люди привыкли с ним тысячелетиями мириться и просто не ощущают надвигающейся апокалиптической угрозы, а в продвинутой Европе миллионы острее и смелее реагируют на нее, что вызывает уважение перед традициями, пострадавшими европейской цивилизацией.

Но повсеместно механизмы манипулирования запущены с равной мерой интенсивности, хотя и по разным, тщательно выверенным информационным программам. Так, на Западе (использую этот некорректный в научном отношении термин) уже не первое десятилетие успешно, я бы сказал, предельно интенсивно действует хитроумная, учитывающая психологию обывателя **программа потребления ради потребления**, о которой сказано и написано предостаточно. И массовый, впечатляющий результат уже налицо.

Скажем, кто из нас, русских не любит традиционно Францию и французов, забывая и их прошлое, и их реальные недостатки. Так уж повелось, что мы отождествляем все французское и с высоким уровнем культуры, и с особым, неповторимым очарованием дерзкой, всегда юной и смелой страны гражданских свобод, страны, у населения которой хватило ума и такта не отказываться от своих великих революционных традиций, от революционных песен и правомерности революционного насилия над бестиариями. Но вот 9 января 2002 года по Франции была объявлена традиционная распродажа товаров по крайне, до предела сниженным ценам – и мы увидели на экранах нечто невообразимое, напоминающее панику перед очередным повышением цен перед неизбежной войной. За час – другой около всех супермаркетов и магазинов выстроились многотысячные толпы, которые в момент подъема железных жалюзи ринулись под них, толкая и избивая друг друга палками и зонтиками. Те же «счастливицы», которые первыми, обдирая колени об асфальт, проползли под железные решетки магазинов, устремились, словно стадо бизонов, к витринам и витражам, круша все на пути. Врезались в память навсегда дикие глаза женщины, одетой по последнему крику моды, обхватившей стиральную машину и телевизор и отбивавшейся ногами от всех подходящих к ней, в том числе и от приказчиков (простите оговорку – дилеров).

Мне довелось недавно просмотреть сюжет о нашей всеобщей любимице - Ольге Корбут и ее личной трагедии в США. И в этом сюжете поразила одна деталь: некая женщина, которой случайно, в разгромленном доме достался альбом с детскими фотографиями будущей всемирно известной чемпионки, бережно прижимая его к своему ухоженному бюсту, трепетно сказала, что она в будущем сможет его... выгодно продать ! А вот другой телевизионный сюжет, связанный уже с европейской «образованностью». Оператор, не жалея пленки, показывает очарование Фарерских островов, этой действительно бесценной жемчужины Датского королевства, чистеньких и модно одетых ребятишек, вальяжных и беззаботных стариков и спокойных, обычно-деловитых как везде тружеников моря. Но вот в залив зашли движимые инстинктом притяжения к родным местам стаи беззащитных дельфинов и китов, и вопреки всем запретам мирового

сообщества на их истребление цивилизованные дикари двадцать первого века, без различия пола и возраста, в любой, даже супермодной одежде бросились на мелководье. С топорами, косами, скребками, тесаками и начали такое варварское и бессмысленное избиение беззащитных животных, что через несколько минут весь залив (и это – не преувеличение !) стал красным от крови, а берег – от черных «ненужных» трупов дельфинов и китов...

Конечно, йеху-невежды - наивное создание рядом с подлинными бестиариями, которые ныне пошли в атаку, впервые в истории объединившись и с поднятым забралом, уже не скрывая ни своих возможностей, ни своих дьявольских целей. Но не забывайте ни на секунду, что до начала зловещего кровавого марша миллионов представителей одной из культурнейших наций мира – немцев мелкие бесенята типа фюрера и его подручных, идиотизм которых блистательно раскрыл Михаил Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм», сделали все для того, чтобы превратить ее в скопище невежд и йехуистов чистой воды. Причем сделали в срок куда более короткий, чем тот, который в истории избрали для себя современные бестиарии после великой Победы 1945 года. Той Победы, в которую мы верили как в финал всех войн на планете. Не тут-то было, и все пошло по другому сценарию.

У нынешних бестий в руках уже были все средства массовой информации и новейшие информационные технологии, все необходимые базы, охватившие паутиной наш маленький Земной шар, послушные как рабы и вроде бы независимые правительства многих стран, армии чиновников, и просто мощнейшие армии и невиданные никому ранее капиталы, Что такое по сравнению с ними Крез – не более как мелкий дилетант – собиратель сокровищ !

Имеющий ухо да слышит !

Но вот что вполне загадочно – трубный глас о пришествии бестиариев в первую очередь улавливают именно йехуисты – невежды, что свидетельствует об определенной их общеобразовательной интеллектуальной и эмоциональной подготовленности. Они первыми начинают крушить дубиной без разбора, лишь бы это было выгодно в итоге бестиариям. **Они, я бы сказал, осуществляют мониторинг бестиариев, их прихода.** (Напомню, что монитор – это австралийская ящерица, появление которой всегда предвещает встречу с крокодилом, свидетельствует об его приближении).

Где-то рядом на историческом поле с йеху–невеждой соседствует другой всемирно-известный и неустрашимый тип йехуиста – **yiehu–renegatus** или **йеху–рenegат**. Попробуем и его наколоть на нашу классификационную доску, найти ему достойное и специфическое место во всемирной дьяволиаде, на сцене мирового театра, theatrum mundi. Как йехуист–невежда не просто необразованный человек, так и йехуист–рenegат отнюдь не просто изменник. В конце концов в нашем бытии, и историческом, и настоящем изменников – хоть пруд пруди и по всем параметрам человеческого общежития, от семейной жизни до дружеского общения. Помните Руставели: недруга опасней близкий, оказавшийся врагом...

Нет, йехуист–рenegат явление особого, отнюдь не морального порядка. Изменяя убеждениям, он предаст праведное дело, наиболее спешествующее утверждению эквитизма, а стало быть – и становлению Homo divinas Он тем самым бесспорно, явно способствует (пусть – в отдаленной исторической тенденции) успеху всемирного торжества бестиариев. Таким, бесспорно, был когда-то Алкивиад. Стал таковым и маршал Ней – наполеоновский ветеран. Рenegат и его деяния – едва ли не одна из наиболее распространенных сюжетных схем мировой трагедии. О великих вероучениях и говорить нечего – вспомним хотя бы Иуду.

Наша военная история дает фигуры помельче, но пожалуй – столь же вредоносные. Вполне достаточно сказано, например, о Власове, бойцы которого озверело дрались с войсками моей 45 - 74 Гвардейской Щорсовской дивизии под Кировоградом летом 1943 года. Попытки йехуистов от истории обелить его, представить как борца за праведное дело абсолютно безнадежны – уж где, как не в России, рenegатов всегда и откровенно презирали все, вплоть до детей–несмышленишей. Такими навсегда войдут в историю члены Политбюро КПСС конца восьмидесятых годов, вдруг, по

мановению ока, оказавшиеся местечковыми баями–антикоммунистами и миллиардерами. Такими останутся в нашей памяти и те, кто предал воинскую присягу на верность отечеству – СССР, не выступив на его защиту в 1991 – 1993 годах. Они до сих пор пытаются скрываться в тени либо пребывать на бульварных скамейках в образе благообразных ветеранов.

Кстати, многие годы пытаюсь узнать фамилии тех членов экипажей самоходных орудий, которые били прямой наводкой по нашему Белому дому. Естественно – тщетно. Но в жизни нашей все тайное неизбежно и весьма быстро становится явным. Еще и еще раз повторю – всех их, и масштабных ренегатов – заметных пока еще политических фигур, и мелких предателей добровольно избранным идеалам и ценностям безусловно ждет мировой судебный процесс эквитистов, где свое слово скажут свидетели куда более компетентные, чем я. Кстати, уже идет масштабное журналистское расследование их деяний, ибо отнюдь не все журналисты оказались продажными борзописцами, на что так уповали йехуисты–ренегаты, замечая следы своих преступлений. **Поэтому, наверное, многие журналисты–эквитисты уже заплатились жизнью за правду.**

Свой же разговор в образной форме веду лишь о том, узнал понаслышке, но лишь о том, что достоверно знаю и пережил лично как очевидец. Скажу честно – мне беспредельно отвратительны литературные холуи, еще вчера певшие осанну нашим вождям революции и их деяниям, а сегодня с тем же энтузиазмом ренегатов поносящие их на основе домыслов и бытовых сплетен. Мой любимый девиз – «Sutor, ne supra sgeridam», или «Сапожник, суди не выше сапога». Напомню, что он вошел в поговорку со времен Аппелеса, великого греческого художника. Как пишет Плиний Старший в «Естественной истории», свои работы он выставлял в беседке и сам, скрываясь за картиной, «выслушивал замечания проходящих, так как считал народ более внимательным судьей, чем самого себя. Однажды, говорят, зритель–сапожник отметил, что на сапоге изображено с внутренней стороне одной петлей меньше должного. На следующий день, возгордившись тем, что указанное им упущение исправлено, сапожник стал изощряться об изображении ноги. Тогда разгневанный художник вышел из укрытия и воскликнул: «Сапожник, суди не выше сапога».

Начну с несколько парадоксальных наблюдений моего военного коллеги, привыкшего работать по-старинке, с библиотечными картотеками. По моей просьбе он решил подобрать список трудов одного из йехуистов–ренегатов, который был мне претотлично знаком по многолетней работе в Специализированном совете Военно-политической академии им. В.И. Ленина, равно как и по многим отзывам о нем моих верных друзей – военных философов. Именно по их настоянию давал положительные отзывы на его кандидатскую и докторскую диссертации, предельно ортодоксальные, по прочтении которых так и хотелось встать и запеть «Интернационал». О нем буду говорить без иносказаний, ибо он – представитель крайне опасной породы людей, мощного и действенного оружия в руках бестиариев. Это - генерал-политработник Дмитрий Волкогонов, почти ежедневно мелькавший на телевизионных экранах в период самого позорного десятилетия в духовной истории России. Даже не постеснявшийся попозировать перед телекамерой в период расстрела Белого дома, дабы войти в историю. Он в угоду бестиариям, сокрушившим Советский Союз, выпускает одну за другой книги вполне пасквильного, бульварного характера о В.И. Ленине, И.В. Сталине, тиражируемые по указанию власть имущих массовыми тиражами. Так вот, какой-то умный читатель заведомо и весьма изящно с публицистической точки зрения переставил в библиотеке в библиографической картотеке все карточки в списке трудов Дмитрия Волкогонова, и в результате просветилась такая картина, которая теперь уже не требует каких-либо комментариев.

Оказывается (конечно, только для наивного и неискушенного читателя, впервые столкнувшегося с именем моего героя), что наш политработник и «мыслитель» немного ранее успел написать две диссертации, как отмечалось – «проникнутые духом боевой партийности»: кандидатскую - «Нравственное развитие личности советского воина и военно–техническая революция» и позднее, в 1971 году – докторскую – «Социологический и гносеологический анализ проблем военно–этической теории», о

которой я написал в отзыве как об образце творческого ленинизма. Кстати, за что один из прозорливых генералов–членов этого Совета довольно резко пожурил меня наедине как человека, не умеющего, как он сказал, «унюхать запах волка».

Он сразу же обрушил на читателей десятки брошюр, выпускавшихся где угодно и кем угодно: «Идеология – острейший фронт классовой борьбы», «Мужество и память: беседы о духовных ценностях советского воина», «По заветам Ленина», «Советский солдат», «XXVII съезд КПСС о защите социалистического отечества», «Оружие страны. Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Естественно, что везде фигурировали в розовом свете вожди, иначе нашему герою не удалось бы забраться на вершину служебной лестницы. Так они и упоминаются в обычной картотеке поныне наряду с книгами, до которых не мог бы додуматься никакой Иуда, его прошлые нетленные труды политработника, заставлявшего всю армию по утрам штудировать вышедшие из-под его пера посредственные опусы, вызывавшие лишь негативное отношение думающих людей к великим, кровью выстрадавшим идеям.

Прочитав его трилогию о Сталине, Троцком, Ленине и пораженный не только ее антиисторическим характером (в конце концов бумага все вытерпит и никому не возбраняется переводить ее на туалетные нужды), но и ренегатством широко известного в армии политработника высокого ранга, сразу же написал ему интимное письмо с просьбой мужественно отказаться от кандидатской и докторской диссертации, равно как и генеральского звания. Оно, как известно, в советской армии давалось политработникам крайне редко и только в связи с особыми заслугами в деле марксистско–ленинского воспитания воинов. В отличие от предыдущего опыта нашего общения, последовало тягостное молчание. Ветром истории моего героя смело в небытие, но осталось нечто весьма существенное и весьма полезное будущим поколениям. Это найденное вполне фольклорное слово **волкогоновщина, бытующее отнюдь не только в военной среде.**

Волкогоновщина предельно опасна для судеб эквитистов и тем более – для перспектив становления Ното divinas прежде всего потому, что она начинает прорастать под формами ортодоксии, в которую уверовали люди. Они, конечно, в силу элементарной человеческой порядочности, совестливости даже не могут предположить, что лидер (будь то военный, экономический, политический и т.д.) способен на измену тем идеалам, которые непрерывно утверждал и которые дали ему определенный (как правило – весьма значительный) социальный статус. Она, далее, тлетворно действует на души людей, показывая несправедливый путь к известности и даже к иллюзорной славе, подталкивая человека массы к цинизму, к социальной и личной хлипкости, в конечном счете – к измене избранным ценностям. Что, конечно, никогда до добра не доводило.

Мы не знаем, пытается ли он на том свете бесплодно оправдаться перед судом неизбежности, забывая (естественно – неведомые ему) слова Спинозы о том, что незнание не довод. Так у нас, в России, до сих пор многочисленные сторонники волкогоновщины пытаются оправдать все массовые беды, свалившиеся на них в эпоху, которую я называю эрой йехуизма, **эпохой новой социальной системы** (что и попытаюсь обосновать более развернуто) своей политической наивностью и незыблемой верой в правоту лидеров. И между тем продолжают с распростертыми объятиями принимать все изощренные, я бы даже сказал, коварные йехуистские ценности в материальной и духовной сфере, а самое главное – способствовать активному растлению юных, только вступающих в жизнь поколений всем своим способом бытия. Ренегатство всегда порождает ренегатство, ибо другой поросли оно и не может дать. Масштабы же ренегатства находятся вне моего рассмотрения, но всегда отмечаются на весах индивидуальных человеческих судеб.

Когда я и в прессе, и в устной форме осуждаю ренегатов, приводя близкие всем нам исторически (а не из эпохи той или иной династии фараонов) примеры поразительных политических и моральных метаморфоз тех или иных заметных индивидуальностей в науке, искусстве, вере, часто слышу одно и то же замечание: «А почему вы сами не осуждаете злодеяния йехуистов, например, в период сталинских репрессий». Что же, постараюсь прямо развернуто ответить на этот вопрос. Я вырос и воспитывался в семье моего отца – старого большевика, одного из создателей русского

советского кинематографа. Нашими непременными и регулярными гостями были бойцы – интеллигенты ленинской закалки, которые пришли в революцию преисполненные романтических надежд и беспримерной принципиальности во всем, эквитисты в высшем смысле слова, такие как Дмитрий Бассалыго, Ольга Нестерович, немецкий писатель Фридрих Вольф, Константин Паустовский, Аркадий Гайдар и многие другие, закономерно ставшие впоследствии и моими старшими друзьями.

Именно отцу было поручено создание первого советского художественного фильма – «Восстание». Он первым осуществил экранизацию «Матери» М.Горького, первым поставил серию этнографических фильмов о жизни малых народов России, был организатором первого телевизионного канала в стране и режиссером первой в нашей истории телевизионной передачи, которую принимали даже в Лондоне. Именно отцу было поручено сложное дело организации и съемок похорон В.И. Ленина. Уехав в Германию в смутные, трудные двадцатые годы, он вопреки всем советам доброжелателей не остался там и не перебрался в Америку, куда был приглашен для съемок фильмов с участием Мэри Пикфорд и Дугласа Фербэнкса. А для таких советов были вполне реальные основания, ибо Александр Разумный ранее отказался перейти из аппарата А.В. Луначарского, где он руководил кино - фото отделом ТОО Наркомпроса в Наркомнац, который возглавлял И.В. Сталин.

Возмездия за такой отказ, неизменно следовавшие благодаря политическим холуям в руководстве кино-делом и подсказкам не в меру усердных киноведов омрачили всю его жизнь: он исключался из партии по доносам друзей, ближайших коллег и всем известным кинематографистов, пустивших легенду о том, что у Гитлера был любимый актер Михаил Разумный, якобы – брат отца; что отец скрывал на своей студии в Баварии боевика – убийцу Розы Люксембург и Карла Либкнехта, хотя собственной студии у отца в Мюнхене не было, а боевик пристроился вахтером на ту студию, где А. Разумный, как и многие другие режиссеры, **арендовал** павильоны для съемок; у него отняли после завершения всей подготовительной работы постановку «Чапаева»; как доказала на основе архивных изысканий пермский тележурналист Варвара Кальпиди, многие фильмы отца, бывшие долгие годы в прокате, в начале тридцатых годов попали в «индекс», то есть в список запрещенных кинолент, **который составляли присяжные киноведы**. Они же, кстати, тщательно и вполне добровольно отслеживали, сколько раз в его военных лентах периода Гражданской войны, в таких, как «Комбриг Иванов» или «Банда батьки Кныша» на заднем плане появляется портрет Л.Троцкого и сообщали «по инстанции», что нигде в его фильмах нет портрета И.Сталина.

Хорошо помню, как бесстрашно выступали в самый разгар репрессий в защиту отца немецкие коммунисты, сами уже находившиеся в опале, видный профессор, один из инициаторов создания Пролеткульта и драматург профессор Борис Волин, единственный ученый, которого И. В. Сталин подпускал к редактированию своих трудов. После того как его фильм «Тимур и его команда» сыграл исключительную по значению воспитательную роль в годы Великой Отечественной войны, он был обречен на постановку случайных, малозначительных лент. В 1950 году, после выхода на экраны его провидческого, с моей точки зрения, фильма «Миклухо–Маклай», Комитет по Сталинским премиям единодушно присудил ему премию, с чем его сразу же, за праздничным ночным застольем и поздравили друзья. Каково же было наше удивление, когда на следующий день в «Правде» в списке лауреатов отца не оказалось, а его место занял музыкальный фильм его друга, видного грузинского режиссера Д.Е. Рондели «Щит Джургая». Кстати, производства 1944 года, что исключалось Положением о Сталинских премиях. Как мне рассказывал позднее И.Г. Большаков, бывший в то время руководителем кинематографии, И.В. Сталин ночью лично вычеркнул «Миклухо-Маклая» из списка. Так ли это было на самом деле, или здесь опять-таки подсуетились политические холуи – не знаю и не берусь судить.

Дальше же события разворачивались еще более круто, и после ареста большой группы кинематографистов в конце сороковых годов прошлого века готовился процесс над «вредителями». Во время избиений и издевательств у арестованных «выбивалось» (кстати, одним и тем же следователем, фамилия которого хорошо известна его внукам и

правнукам, да и мне) лишь одно показание – о заговорщической деятельности отца и замечательного кинооператора, снявшего ленту «Мы из Кронштадта» - Н.С. Наумова – Стража. В те радостные для меня дни 1952 года, когда мы вместе с отцом скромно отмечали защиту мною кандидатской диссертации, должен был быть оглашен приговор... об их казни на Красной площади. О чем, конечно, мы и не ведали.

Воспитанный советской школой и прекрасным коллективом друзей юности, ушедший на фронт по убеждению, после девятого класса – в ополчение, получивший звание лейтенанта в пулеметном училище Красной армии и оказавшись счастливым, воевавшим на Украине в легендарной 62 – 8 Гвардейской Сталинградской армии генерала Василия Чуйкова я был и остаюсь, как говорится, продуктом этой эпохи, предавать идеалы которой и свои личные социалистические убеждения как ренегат – не собираюсь. И тем более присяге в армии, Верховным Главнокомандующим которой был И.В. Сталин, изменить не могу.

Отмечу лишь, что исторические факты, которые многие восприняли как некое откровение после XX съезда партии, отлично знал намного ранее. Я уже сказал, что у отца всегда собирались старые коммунисты, и даже в самые тягостные, мрачные периоды тридцатых годов они смело говорили друг другу правду о положении в партии, прекрасно понимая, чем это им грозит. Помню также и то, как долго и в самые разные годы спорил о трактовке этой правды с поразительным человеком – Ольгой Нестерович, прошедшей боевой путь в Туркестане с М.Фрунзе, женой одного из первых секретарей РКСМ, расстрелянного без суда и следствия. Кстати, она, спрятавшись от неизбежного ареста за стены... сумасшедшего дома, оттуда умудрилась написать огромное письмо И.Сталину в защиту моего отца, когда на него обрушились все последствия доносов тридцатых годов. Такие эквитисты знали куда больше, чем все волгогоновы, вместе взятые и говорили это отнюдь не тогда, когда это потребовалось нынешним прислужникам бестиариев. Но они никогда не допускали примитивной лжи, вроде того утверждения моего ренегата о том, что И.Сталин за все годы войны ни разу не выезжал на фронт.

Осмысливая все исторические события уже в зрелые годы, я сделал для себя лишь два практических вывода. Во-первых, прекрасно понимая механизм репрессий отнюдь не понаслышке, многократно обращался в самые высшие партийные инстанции с просьбой опубликовать полный список не только реально репрессированных, но и **доносчиков, предопределивших их судьбу**. Не следует забывать, что без таких доносов нельзя было «раскрутить» ни одно репрессивное дело. Ответ был всегда мобильным и уныло-однообразным – не следует, дескать, бросать тень на детей и внуков доносчиков. Во-вторых, став журналистом и ученым, ни в одной статье, ни в одной книге ни разу не упомянул всуе имя И.В. Сталина. Остальное – вне сферы моей теоретической позиции, ибо отказ от выстраданных идей и убеждений считаю позорным.

YIEHU–AUREA MEDIOCRITAS ИЛИ СПЛОЧЕННАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Однажды в Магдебурге я, словно зачарованный, не мог отойти от стендов с уникальной и всемирно – известной коллекции бабочек. Я ходил от экспоната к экспонату, тщетно пытаюсь уловить какую-либо закономерность в этой Ниагаре несказанной красоты. Невысокий, застенчивый человек в халате препаратора долго и тактично наблюдал за мною, а затем, вежливо представившись, спросил о моих затруднениях. На мой предельно экспрессивный вопрос о том, как же удалось осуществить научную классификацию этой безбрежности прекрасного, он ответил: «Соблюдая принцип полярности !» Не сразу, а лишь много десятилетий спустя я осознал логическое изящество его ответа. Ведь если на нашей гипотетической классификационной доске мы сразу же отметим полярные и вместе с тем неразрывно связанные крайности исследуемого явления или процесса, то все остальные их проявления легко вписываются или объясняются на фундаменте незыблемых законов логического мышления.

Но что же *возможно* с достаточным основанием, а стало быть – и *следует* внимая законам разума считать историческим явлением или типом человеческого бытия, полярным бытию yiehu–bestia ? Очевидно, только то в многоликой человеческой реальности безотносительно к историческому периоду, уровню цивилизованности и ее этническому своеобразию, что делает возможным само существование бестиариев и без чего их просто бы не было. **Это – сплоченная посредственность и ее иная ипостась – безлика, лишенная индивидуальности масса. Это yiehu–aurea mediocritas.**

Наш прабестиарий, открыв в каменном ноже как возможность убийства сородича, так и лучшее средство на пути к власти смог зашагать дальше, через века и тысячелетия, ибо никто в родном племени не дал ему предметного урока всесилья самоуправления, или, что более вероятно, наиболее робкие и хитроумные по природе молчаливо сплотились как трусливый скот перед входом на бойню. Он прошел путь от иудейских царей и родоначальников древнейших китайских династий, от всесильных и загадочных египетских фараонов и римских цезарей до фюреров XX века и гномов–бестиариев XXI века только потому, что рядом с ним, вместе с ним, на благо ему развивался и умножался словно вредоносный грибковый паразит yiehu-aurea mediocritas или, проще говоря, тупая, косная масса, не озаренная светом эквитизма.

Как, - возмутился однажды мой высокообразованный оппонент–философ, - вы отрицаете прогрессивную роль народных масс, народа в истории ? Представьте, что отрицаю, и лишь на том элементарном социологическом посыле, что народ есть нечто эфемерное, неопределенное и ирреальное, ибо под ним в итоге понимают только население, **народившееся** на конкретной территории, занимающее определенный регион. Вспомните великие, но глупейшие откровения наших официальных идеологов (почему-то всегда стремившихся именовать себя философами) о «новой исторической общности – советском народе». Где она сейчас, эта общность ? Совсем иное дело – этнические образования, которые сохраняются тысячелетиями и едва ли не бессмертны, почему ими и занимаются подлинные ученые–историки, антропологи, этнографы. И они способны так эффективно противостоять бестиариям, что остается только диву даваться, насколько всесильны эти образования, очевидно, в силу каких-то еще не познанных генетических предпосылок. Подумайте – кто только не шел к нам, на Русь – и за нашими богатствами, и за нашими недрами, и за нашими лесами и землями, и за нашими женщинами. А Русь в ответ, принимая вызов бестиариев, била и ливонцев, и эстов, и шведов, и немцев, и французов, и англичан, и американцев, и румын, и болгар (не забудем - ухитрившихся первыми объявить нам вслед за Гитлером в 1941 году войну !), и поляков, и испанцев, и турок, и австрийцев, и хорват, и венгров, и итальянцев, и японцев, и маньчжур, и чехов. Била, сохранив на уровне этноса не ненависть к иноземцам, **но чисто эквитистское неприятие войн и убийств, которое всячески пытаются вытравить из русского духа те бестиарии, которые в XX веке именно русский народ сделали разменной картой во всех войнах. Да и сейчас ведут плохо скрываемую игру на его вовлечение в новую мировую бойню.**

Йеху–ренегаты, упоенные своей пирровой победой, откровеннейшим образом

пытаются сделать нечто подобное в сфере духа нашего этноса и ныне в угоду всевластным гномам–бестиариям. Не верите ? Включите вечером любой телевизионный канал хотя бы на час и задумайтесь – может ли эта фантазмагория ужасов, насилия, садистских изображений всевозможных убийств, издевательств над человеческим достоинством, над детьми и женщинами, создаваемая отечественными деятелями средств массовой информации, происходит в элементарно цивилизованной стране, какой все же остается Россия. Между прочим, лидеры которой громогласно заявляют о своей приверженности православию и которая населена многими этническими общностями, приверженными миру и иным, чем православие, верованиям. А если может, то – почему ? **Почему ?**

В любых этнических образованиях есть всякое – великое, и мерзопакостное, и эквистское, и йехуистское. И бестиарии всегда (поначалу – интуитивно и в силу элементарного организаторского таланта, а затем – уже вполне обоснованно теоретически, на уровне самых последних достижений информационной цивилизации) знают, на кого надо ориентироваться, кого – пригреть и приласкать, дабы затем направить на вечную тропу войны, братоубийственной бойни и издеательства над самыми элементарными основами человечности.

Само выделение в древнейшем, отдаленном от нас десятками тысячелетий племени из среды охотников особого рода йехуистов–воинов, конечно же, уже тогда оправдывавшееся примитивными идеологическими приспешниками первобытных бестиариев или вождей законами самозащиты, было первым шагом в этом роковом направлении. В кровавом направлении, которое окончательно утвердилось вместе с государственностью, когда заурядному человеческому уму понять что-либо в механизмах власти стало не по силам. А тем более теперь, в условиях абсолютной гегемонии бестиариев не только в экономической, политической и военных сферах, но и в чудовищных по мощи информационных коммуникациях.

Но уж если поставлен вопрос о роли бестиариев и той питательной среды, которая их возвращает и укрепляет, то спрятаться под страусово крыло неведения, необъяснимости, мистичности мы все сегодня просто не имеем права. И здесь нам на помощь опять – таки приходит учение об исторической алетеологии как триединой истине, добытой муками и страданиями миллиардов людей. В науке, в искусстве, в мудрых верованиях всех этносов и цивилизаций ответ уже дан.

Сразу же оговорюсь, что ответ следует искать не на наиболее очевидных путях. Так, в науке самых разных эпох дается интерпретация некоторых общих черт масс, вне существования которых бытие бестиариев было бы алогично. Назовем их условно – психологическими, тем более что они наиболее фундаментально были разработаны в девятнадцатом веке в так называемой психологии масс. Так, согласно немецкому Философскому словарю, основанному Г.Шмидтом, «типично массовыми явлениями являются: открытое выражение мнения (выступления, демонстрации, процессы), действия, совершаемые в бессознательном страхе (паника, массовый психоз), потеря естественного чувства права (ограбления, насилия), способность воодушевляться».

Но эта интерпретация, логичная и стройная в сфере «чистого мышления», не работает в интересующем нас аспекте. Попробуйте, например, объяснить абстрактной и вневременной психологией масс их поведение в кардинально несовместимых исторических ситуациях – в период рабского их подчинения воле диктаторов (властителей, монархов, президентов, фюреров) либо во время необузданной революционной вспышки, когда головы тех же вершителей человеческих судеб оказываются на плахе, а затем – в корзине палача либо на колах рыночных площадей. И что самое загадочное – переворот в подобной судьбе владык происходит буквально в одночасье. Вчера еще Цезарь, а сегодня – труп в гнилой пучине Тибра. Вчера еще император – а ныне туловище на заборе. Вчера – диктатор, а ныне – удушенник, повешенный вниз головой. Поэтому чисто механистическая интерпретация типов поведения больших скоплений людей, на первый взгляд вполне логичная, в действительности ничего не объясняет. Более того, она скрывает (естественно, вопреки воле создателей «психологии масс») сложную структуру того явления, которое именуется

массой, равно как и мотивы всех ее реакций. И уж тем более тех, кто провоцирует ее действия, охарактеризованные в «Философском словаре» Г.Шмидта.

Массы могут пойти в состоянии психической неуравновешенности за новым царем, владыкой, фюрером, круша все на своем пути. Все же и в их среде, и на их пути по неизбежности встретятся эквитисты, подлинные подвижники духа, способные не только предупреждать об угрозе йехуизма, но и активно ей противостоять. Пусть поначалу они обнаруживают себя по ненависти в глазах, которой они встречают неожиданно обрушившийся на них йехуистский шабаш. вспомните, например, торжественные победоносные марши немецких фашистов по поверженным городам Европы и лица зрителей, смотревших на этот шабаш. Но, как правило, проходит совсем немного времени по историческим масштабам – и та же масса неизбежно начинает осознавать правоту мужественных эквитистов, сначала – поодиночке, а затем – толпами перебегая на их сторону. Верная законам йехуистского стадного поведения, она жаждет истребления своих недавних владык, тех, кому без усталости лизала ноги или иные, подходящие для выражения верноподданнических чувств места.

Здесь возможно и дальнейшее неодолимое колебание исторического маятника: торжествующая масса, не изжившая в себе заразу йехуизма, через сравнительно короткое время начинает не менее страстно истреблять эквитистов, открывших им светлые пути, озаренные разумом и просветленные надеждой. Кстати, как это не печально, именно такова судьба многих рыцарей революции, в том числе и нашей, русской. Они страшны бестиариям даже тогда, когда ушли в прошлое; они неутомимо продолжают натравливать массы на этих лучших представителей человеческой породы. И тем более – на их живых наследников, наших современников. Если вы полагаете, что журналистов, писателей, ученых у нас избивают или убивают по случайности, то можно только сказать, что вы относитесь к тем наивным людям, которые ничему не научились на историческом опыте хотя бы своего этноса и которые ничего не поняли в механизме всегда преступной власти.

С этой целью повсеместно рекрутируются **yiehu–demagogos** или **йеху–демагоги**, первая из полярных групп йехуистов на нашей классификационной доске. **Их новейшая задача – реализовать тактику переключения стрелок локомотива истории на заведомо тупиковый путь, где уже никогда не осуществится возможность воспрянуть homo divinas, где практически произойдет то, что предрекал в своих поразительных пророчествах Иоанн Богослов.**

Крайне любопытен тот факт, что один и тот же термин – *демагогия* в разные периоды истории выражает отнюдь не адекватные понятия. В подобном феномене целесообразно разобраться в интересующей нас связи, ибо он характеризует не столько динамику мысли, сколько нарастание социального влияния бестиариев. В условиях античной демократии демагогами называли государственных деятелей, действовавших **в интересах народа**. (Демагоги в буквальном смысле слова – вожди народа). Могли бы понравиться подобные лидеры, в моей интерпретации – эквитисты, владевшие даром убеждения, эмоциональной заразительностью слова, неколебимостью убеждений, аристократии или точнее – праотцам нынешних бестиариев, уже в то время сконцентрировавших в своих руках основные богатства и власть? Тем более что они, не имея подобных богатств, приобретали могучее влияние (подобно Периклу в Афинах), выступая же поборниками истины вопреки мнению властителей в любых, самых критических ситуациях, оказывались значительно сильнее их в глазах современников (подобно Тиберию Граху либо Марату). В соответствии с историческими приливами и отливами наступления бестиариев в последующие эпохи началось и переосмысление понятия демагогия при сохранении его словесного архетипа.

Во времена Владимира Даля, предельно чуткого к историческому значению конкретных понятий демагогом обозначался крайний демократ, добивающийся власти во имя народа и одновременно – тайный возмутитель, поборник безначалия, ниспровергатель существующих порядков управления. Подобную либеральную, двойственную трактовку преодолели в России в XX веке лишь в период социалистических преобразований, недвусмысленно определив демагогию как использование лживых

обещаний, преднамеренного извращения фактов, неумеренной льстивой, как ныне говорят – популистской лексики для привлечения масс на свою сторону. И если, например, сейчас стало модным адресовать этот термин духовным лидерам социалистической демократии, ее первой, действительно героической волны, то мы опять–таки оказываемся свидетелями мониторинга аристократической, а точнее – бестиарской реакции. Именно поэтому я определяю демагогию как мощнейшее оружие информационной войны в руках нынешних весьма злобных и немногочисленных всевластных бестиариев.

Таковым понятие демагогия стало благодаря усилиям нынешних йеху-демагогов, разрабатывающим технологию **демагогии** – новой теоретической дисциплины, на выводах которой и основывается информационная война против эквитизма. Реально она выступает в наших массовых изданиях под маской политологии, культурологии, социологии, имиджологии и пр. В соответствии с доминирующей целевой установкой бестиариев на завоевание вечного, окончательного господства над косными массами специалисты в области демагогии разрабатывают прежде всего политическую лексику, обязательную как для системы массовой информации (а ведь она-то почти полностью ныне в руках бестиариев!), так и для системы образования. Для этой лексики обязательен термин «свобода». Свободная пресса, свободный мир, свободное поведение, свободный рынок, свободное волеизлияние масс – о чем только не говорится в этой связи, в том числе и по отношению к нынешней политической ситуации в России, уже давно поставленной на колени бестиариями.

Попробуйте в свободной прессе и в столь же свободных средствах массовой информации у нас высказать хотя бы слово, затрагивающее **коренные интересы** нынешних хозяев жизни. Смею вас уверить, что дело это абсолютно безнадежное, и если вам дадут несколько страниц в прессе или несколько минут телевизионного времени, то специалисты в области демагогии, выращенные в течение многих десятилетий, подвергнут вас такой кастрации, что вас же либо подвергнут осмеянию и постараются представить полным идиотом, либо используют в политических целях, коренным образом отличающихся от ваших духовных исканий.

Свободное поведение ? Ради бога, делайте все, что хотите, вплоть до совокупления в вагоне метро, вплоть до мордобоя на вечерней улице, вплоть до ограбления беззащитных стариков, вплоть до всеобщего воровства как нормы вполне тривиальной и вполне терпимой, вплоть до массовой проституции, вплоть до педофилии, вплоть до беспробудного тотального пьянства и наркомании. Но попытайтесь на практике реализовать великие идеи просветителей о необходимости воспитания молодежи на научных идеалах добра и справедливости – и вы сразу же услышите ответ о полном отсутствии необходимых средств.

Свободное волеизлияние масс ? Да где и кто его видел в условиях тотального наступления бестиариев и отработке йеху-демагогами совершенных и абсолютно результативных избирательных технологий и законов. Будем справедливы – эквитистское сознание масс вопреки всем достижениям демагогии и ее технологий отнюдь не исчезло, хотя и проявляется порою в полурабских формах. Так, трудно забыть, что на последних выборах в московские городские структуры управления голосовало лишь менее 25% избирателей. Подобные, типичные отнюдь не только для современной России факты свидетельствуют о своеобразной победе прислужников бестиариев, сумевших добиться почти всеобщего политического инфантилизма. Устойчивость этой «всеобщности» зависит не только от конкретной обстановки в каждой стране, но и от активности эквитистов, от меры их влияния на массы. Но что эта активность не пойдет на убыль никогда – в этом можно не сомневаться, понимая суть эквитизма и мужество его представителей всегда и повсюду.

Йеху-демагоги активизируются ныне не только в области политической лексики, но и в теоретической сфере, перекраивая историю, выбрасывая из нее все, что способно прокладывать дорогу эквитизму. Так, как они уже сделали с историей русской революции, с великими русскими просветителями прошлого. Спросите, к примеру, у любого юного гражданина России, что он читал из трудов Чернышевского или Писарева, Герцена или

Добролюбова, знает ли он стихи Рылеева или гражданскую лирику Некрасова - и вы сразу же поймете мою правоту. Недавно мне довелось побеседовать с отнюдь не юной йехуисточкой, между прочим – педагогом, которая всерьез старалась мне доказать, что большевики запретили повсеместно читать Плеханова и Каутского, делая исключение для... вождя революции. Как не странно, я не смог ее переубедить, показав многочисленные издания Каутского тех лет, предназначавшиеся для массовой системы «политпросвещения», Полное собрание сочинений Г.В. Плеханова той же поры. Между прочим, выпущенные в свет по прямому указанию В.И. Ленина.

Подчеркиваю данный вполне типичный казус отнюдь не для того, чтобы еще раз защитить В.И. Ленина, ибо он, как и все великие люди, влияющие на ход мировой истории, в этом не нуждается, но для того, чтобы предупредить всех, кто претендует на звание современного интеллигента, от сползания в примитивный йехуизм под влиянием талантливых йеху-демагогов. Геббельс – лишь символ подобных йеху.

Я не оговорился – люди, относящиеся в моей классификации к этому отряду пособников бестиариев, не могут не быть талантливыми, иначе им не овладеть вниманием масс, склонить их на свою сторону, убедить, что черное является белым или наоборот. А талант всегда стоит дорого. Поэтому не следует удивляться тому, что йехуисты-демагоги всегда, как правило, преуспевают. Даже тогда, когда меняют хозяина и ополчаются на предыдущего властителя, ибо всегда, в итоге и перспективе, они служили и служат всемирному шашу рвущихся к окончательной победе бестиариев. Как и бестиарии, оно накопили многовековой опыт действий в самых разных ситуациях, то есть **демагогическую культуру**. Ей, конечно, должен быть отведен соответствующий раздел в учебниках демагогики.

Возможен и иной вариант поведения масс, когда сама безысходность бытия побуждает все ее составляющие социальные компоненты, как правило – всегда разнородные по интересам, степени развития, конечным целям соединяться в единый, подобный огненной лаве поток, сметающий все на своем пути. В поток, который не способна остановить любая репрессивная военная сила, а уж тем более аргументы йехуистов-демагогов. Вспомним хотя бы Великую французскую революцию или Февральскую революцию в России, в единый миг похоронившую империю Романовых, ту революцию, которую отнюдь не инициировали «заговорщики–большевики», как это пытаются представить услужливые лакеи бестиариев в наших средствах массовой информации.

Я часто и подолгу всматривался в кадры киносъемок на улицах Москвы, сделанных отцом (и переданных мною впоследствии в киномузей). Поражало всеобщее воодушевление, озаренность всех лиц исторической драмы неистребимым светом веры в реальность Царства свободы. Повторяю – всех лиц, а не только избранных подвижников духа. Театр истории давал нам в такие минуты картину драматизма всеобщего эквитизма, что отнюдь не отменяло уникального значения эквитистов как подвижников духа.

В прошлом бестиарии, как правило, в подобных исторических ситуациях довольно долго пребывали в шоковом состоянии и затрачивали фантастические усилия, дабы изменить сценарий мировой драмы, главным образом – на пути военного насилия. Кстати, так и возник в исторической науке термин «реставрация». Ныне же, усвоив тысячелетние уроки истории и ощутив свое практически неограниченное могущество, **бестиарии выработали результативную тактику профилактики социальных катаклизмов**, используя для этого древнейший, но вечно действенный тезис: разделять, чтобы властвовать. Способствовать этому должны прежде всего не только традиционные силовые рычаги власти, но сама разнородность, разноликость масс, особенно отчетливо проявляющаяся в те часы, когда общность их интересов – исчерпана.

В ней бестиариям все больше и чаще (особенно в условиях информационной цивилизации, когда их усилия подкреплены новейшими информационными технологиями) помогают те члены разноликой массы, которые не изжили в себе раба, не преодолели йехуизм, но остались посредственностью в духовном отношении, причем не только посредственностью, но **сплоченной посредственностью**.

Говорить об этом надо прямо и честно, не опасаясь обиды, а тем более вполне

предсказуемой мести подобного рода йехуистов. Сплотить эту посредственность и должны рекрутируемые в самой массе бестиариями **yiehu–mutantas** или **йеху–мутанты**, прелюбопытнейшее и весьма заметное в нашей классификационной коллекции социальное и неистребимое от века к веку, от этноса к этносу явление. Причем не просто сплотить, но нарядить их в пестрые костюмы всемирного маскарада исторической значимости, маскирующие их реальное убожество и откровенный йехуизм.

Перерожденцы были всегда, в истории любой цивилизации. Разве не было их в среде жрецов в период Амона, попытавшегося перевести своих подданных под сень монотеизма? Разве не было их в Афинах при переходе от тирании к демократии? Разве не рекрутировал из них Гитлер наиболее преданных ему идеологических фюреров разного калибра? И разве не стали наиболее яркими антикоммунистами в России те, кто принадлежал к партийной верхушке и пользовался всеми благами, всеми привилегиями своего положения? Но осознание их бесценного значения пришло к бестиариям лишь в двадцатом веке, когда сам процесс перерождения разных категорий в разноликой массе стал целенаправленным и базирующимся на выводах социальных наук.

Период стихийного, хотя и массового появления йехуистов–мутантов завершился. Ныне их формирование поставлено на централизованный массовый и отлично отлаженный конвейер в соответствии с цивилизационными особенностями того или иного этноса. Его финансирование ныне вполне сопоставимо с расходами на вооружение. Впечатляет прежде всего точная, выверенная адресность воздействия бестиариев через все рычаги влияния на интеллект, верования, эмоциональные предпочтения. Впечатляет и глобальный результат подобного воздействия, называемый мною **эффектом смещения всех духовных ценностей.**

Вполне логично бестиарии сделали особый акцент на **первый возраст**, на молодежь, на ее систему духовных ценностей, ибо именно молодежь завтра будет той массой, которая должна стать абсолютно, безоговорочно покорной бестиариям во всех отношениях и притом даже не подозревающей, кто замесил дьявольское тесто, кто предопределил их перерождение в йехуистов. Ее обучение и воспитание ныне сочетается с психологически обоснованной дрессировкой, и притом – весьма хитроумным, тщательно выверенным на многолетней практике способом. Массовые социальные выступления молодежи шестидесятых годов двадцатого века побудили бестиариев бросить все силы и средства на работу именно с этой, имеющей историческую перспективу категорией населения нашей планеты. Пугает их и нынешнее поведение молодежи в странах, являющихся на первый взгляд незыблемой цитаделью бестиариев, все чаще и откровеннее противостоящей их замыслам в любой области, от политической до экономической.

Скажу откровенно – можно только восхищаться как методикой этой работы, так и ее результатами, которые мы с грустью наблюдаем и в нашей стране вопреки ее еще недавно казавшихся незыблемыми историческим традициям духовности, человечности, доброты.

Подумайте о музыкальном мире современной молодежи, постаравшись не приводить мне в качестве возражения тягу узкого, действительно эквитистского ее слоя, получившего достаточное художественное образование, будь то в семье или же в специализированных детских и юношеских музыкальных учебных заведениях. Кстати, всегда находящихся под прессом бестиарного давления и призванных не развиваться, но выживать на голом энтузиазме. Основной же контингент молодежи во всех странах без исключения находится под прессом всех видов и жанров поп–музыки, того бескрайнего потока музыкального сумасшествия, в котором порою сверкают отдельные бриллианты незаурядных дарований. Говорят, что прозорливые фермеры запрещают подобную музыку вблизи скота, ибо коровы почти перестают давать молоко, а быки – бесятся как перед корридой.

Мутанты от шоу–бизнеса, имена которых всегда на слуху и которые средствами информационных коммуникаций выдаются за истинных кумиров молодежи, честно отрабатывают свои фантастические гонорары, выделявая такие рулады, которые неведомы даже охмелевшим от случайно употребления наркотиков птицам, сопровождая

вокальную истерию не менее загадочными антраша, которые абсолютно недоступны поprobавшим без меры хмельного обезьянам.

Мутанты от высокой моды успешно отрабатывают самые невероятные «коллекции», вызывающие неумеренный визг ведущих на телевидении. Человек исчез – остается лишь виртуальная реальность, вышагивающие юбки, блузы, брюки и пиджаки, в которых угадывается или через которых высвечивается хилое, дряблое тело, приводящее в транс старичков-импотентов да поблескивают тусклыми фонариками одинаково, по-коровьи невыразительные, нагло-тупые глаза. Тряпка становится знаком, символом престижа - такое было только в период заката Римской империи. Ее отсутствие – источником глубокой душевной депрессии молодежи, лишенной возможности ее приобрести даже в удешевленном, массовом варианте.

А от депрессии, которая у молодых существ не может продолжаться долго, закономерен переход к эпатажу, вплоть до прогулок по улицам наших городов голых и уродливых субъектов, вызывающих естественное чувство жалости и стыда за нас, взрослых и тем более благополучных людей. **Мутанты порождают мутантов – таков грустный итог всевластия бестиариев в средствах массовой информации, будь то мир танцев либо бытовое поведение, лексика либо система межполовых отношений, индустрия моды либо агрессивный цинизм.** Здесь уж не до экономии финансовых вложений – средства диктуются целью. И зря вздыхает, например, профессура отнюдь не только в России, сравнивая свои оклады с фантастическими по размерам гонорарами мутантов от шоу – бизнеса. Чтобы заказывать музыку, надо платить тем, кто быстрее и эффективнее оглушает миллионы, то есть осуществляет то дьявольское дело, на которое ни один подлинный ученый никогда не пойдет.

Не менее опасны **мутанты от педагогики**, которые делают все возможное для превращения большинства молодежи в тупое, лишенное проблесков интеллекта стадо йеху. Естественно, что в сфере обучения и воспитания не все дает нам одноцветную, мрачную по колориту картину. Во-первых, без определенного уровня образованности нет и не может быть современного производительного работника, столь необходимого бестиариям в их экономических расчетах на перспективу. Выход был найден опять – таки простой и почти гениальный – так реформировать образование, чтобы оно стало дифференцированным, то – есть порождающим «элиту» и «массового работника» или по эзотерической терминологии мутантов – «быдло» и одновременно предавшим забвению идеи античности, Возрождения, Просвещения о всесторонне и гармонически развитой индивидуальности. Во – вторых, не следует забывать изначальное стремление молодежи утвердить себя в нашем сложном мире, где практически делается все для того, чтобы увеличить первый возраст и уменьшить ее социальные притязания на рынке труда. Ей не надо еще и еще раз повторять, что знания – сила, что крайне опасно для судьбы каждого поверить мутантам от педагогики, вещающих о каких-то «стандартах» образованности, планка которых опускается от года к году все ниже и стремительнее.

Мне регулярно приходится общаться с нашей молодежью, многие представители которой продвинуты в эмоциональном, интеллектуальном, духовном отношении куда значительнее, чем это представляют себе живущие смутными воспоминаниями старцы. Конечно, трудно оспаривать результаты весьма репрезентативных исследований, показывающих, что выпускники большинства наших, российских средних школ ныне занимают одно из последних мест в мировой рейтинговой таблице. Здесь надо думать и действовать, незамедлительно, не считаясь с любыми расходами. Но на мировом конкурсе в Бразилии юных хакеров, способных «войти» в любые, суперсекретные компьютеры первые места поделили между собой русские и китайские юноши, значительно потеснив американцев и европейцев. А разве не русские юные спортсмены вопреки нищете нашей материальной базы, поражают ныне мировую общественность, и прежде всего – подлинных любителей и знатоков спорта на теннисных турнирах, на ледовых аренах, на лыжных трассах, в шахматных сражениях.

Такие ребята, овладевшие высочайшим профессионализмом, у нас (впрочем, как и во всех странах без исключения) представляют собой неисчерпаемый ресурс эквитистов. Но только ресурс – и ни более того. Они всегда были и всегда будут – таков исторический

парадокс эквитизма, который и предопределяет в итоге, в перспективе, его глобальную победу. Но не видеть, что бестиарии ныне успешно вербуют под свои знамена миллионы и миллионы подобных профессионально одаренных молодых людей просто преступно и опасно. Помните – бойтесь равнодушных, а они – то вырастают из односторонних специалистов, лишенных эквитистских качеств активных борцов против любых типов иехуизма.

Иной характер носит социальный заказ бестиариев йеху–мутантам, когда речь идет о **третьем возрасте**. Совершенно очевидно без каких-либо социально – психологических исследований, что старшее поколение, то, которое вымывается по возрасту из производительного труда, является живым хранителем непреходящих духовных традиций и в том числе – выработанных эквитистами прошлого. Бестиарии совершенно точно рассчитали, что и с этой стороны может быть нанесен эффективный и сокрушительный удар путем отвлечения, оглубления и устрашения стариков. *Отвлечения* – путем вселенской трескотни о защищенной старости, о прогрессивной пенсионной системе, в лучшем случае являющейся формой циничной подачи старикам, о возможности и необходимости хотя бы в конце земного бытия «повидать мир», иными словами – отдать последние гроши из скопленных сбережений дельцам из сферы разросшегося непомерно и беспредельно примитивного туристского бизнеса.

Кстати, здесь уместно вспомнить, что в истории цивилизаций, оказавшихся наиболее стабильными во временном отношении, **забота о стариках была священным семейным долгом**. Так, в античной Греции и Древнем Риме под алиментами понимали законами предусмотренные средства, которые дети обязаны были выделять родителям в случае болезни или старости.

Оглубления – при помощи средств массовой информации и прежде всего – телевидения, основным «потребителем» которого и являются старики. Учитывая пассивный характер восприятия телевизионного действия, его способность ориентировать чувства, усыплять совесть и парализовать интеллект, ученые – эквитисты уже давно бьют тревогу, отлично понимая, что дебилизация и эмоциональное обидливание стариков весьма эффективно для достижения их зловещих целей, ибо старшее поколение – лучший ретранслятор усвоенных ценностей на детей и интегратор того, что именуется общественным мнением и что они опять-таки ныне усваивают из средств массовой информации.

И наконец, *устрашения* как экономическими, так и внеэкономическими средствами. Даже в благополучных странах старики всегда с тревогой следят за данными биржи, за индексом цен, за курсом валют, ежечасно мелькающих на экранах телевизоров и озвучиваемых на радио. Еще бы – ведь в одну минуту они могут оказаться нищими, и тем более в том случае, если вся их жизнь прошла на основе многопланового кредита. Им, конечно, невдомек, что это – отлично продуманная игра по заказу бестиариев. Равно как и непрерывные передачи о локальных войнах, о страданиях стариков в этих загадочных для них конфликтах, передачи, вызывающие неизбежное сопереживание и соотнесение с возможностями своей превратной и зыбкой индивидуальной судьбы. Сопереживание, превращающее большинство из них в манипулируемое человеческое стадо. И какое же облегчение испытывает каждый, исповедующий гуманизм как веру, когда видит престарелых людей на сложнейших туристских тропах, на горных пиках, на яхтах, затерянных в бушующем океане, мужественно выстаивающих под градом пластиковых пуль в рядах антиглобалистов, либо рискующих жизнью в бесстрашных акциях поборников защиты окружающей среды. Подобные люди третьего возраста опять – таки резерв эквитистов, гордость и надежда любой цивилизации, любого этноса.

Бестиариям, безусловно, легче всего запугать и психологически травмировать **второй возраст**, тех, кто между юностью и старостью обязан выживать и обеспечивать средства существования семье, работать, не зная отдыха, порою – в нескольких местах. И при этом – всегда испытывать леденящий душу страх остаться безработным (наподобие тех коллег, которым уже пришлось испить эту чашу и на своей шкуре познать экономическое всевластие бестиариев и их прислужников в сфере бизнеса, в сфере рыночной экономики). Как тут не смириться и не стать перерожденцем, забывающим и

человеческую гордость, и рабочее достоинство ! Подобное массовое возникновение йеху–мутантов мы могли наблюдать в начале девяностых годов прошлого столетия, когда преступные прислужники бестиариев в России умудрились единовременными ударами разрушить могучую промышленность, сельское хозяйство, армию. И бросили лозунг миллионам – «выживайте любой ценой». Запомнилась лишь одна цифра - «челноками» в тот период стало около 30 миллионов человек, вскоре забывших о тех правах на труд, отдых, бесплатное образование и бесплатную медицинскую помощь, которые когда-то считались само собой разумеющимися, чуть ни извечно существующими, естественными для человека в России послереволюционной.

Но и в этой, основной возрастной категории эквитисты были впереди, вселяя надежду в людские сердца – полунищие ученые продолжали творить чудеса, сохранив за Россией одно из ведущих мест в области фундаментальных наук и перспективных технических и технологических разработок; голодные и замерзающие учителя не покинули детей и смело выходили на забастовки либо перекрывали магистрали своими телами; любимые массами певцы сумели избежать всеобщей йехуизации шоу–бизнеса и продолжали укреплять дух слабых и отчаявшихся песнями духовного сопротивления.

Но и демагогов, и перерожденцев в недрах самих масс явно недостаточно для реализации глобальных планов нынешних всевластных бестиариев. **Незавершенная как целостность программа всегда может дать сбой.** Вот почему во имя своих (нет – сегодня не имперских, но космических социальных амбиций) бестиарии все активнее выпускают на сцену мирового театра истории **yiehu–figlarus или йеху–фигляров.**

Фигляр – чисто русское словообразование, от знаменитой и всем известной с детства фигли, фигли-мигли. Фигляр – это не шут, ибо человек под маской шута исторически оказался в роли эквитиста, имевшего право говорить самым страшным владыкам правду об их деяниях. А ведь эти владыки или прабестиарии отнюдь не всегда идиоты; порою они наделены и высоким интеллектом, и незаурядным личным мужеством (помните последние слова Веспасиана: «Цезарю подобает умереть стоя !»). Именно они понимали, что кто-то, кроме профессиональных осведомителей, должен говорить им правду, остерегая от непродуманных действий.

Не случайно во время очередного триумфа победителя в Древнем Риме за ритуальной колесницей бежал замаскированный государственный раб, который кричал, не обращая внимания на вой приветствующей триумфатора толпы: «Cave ne cadas», то есть «Берегись, чтобы не упасть». Подобным предостережением всегда являются слова шута, под странной, а порою и просто отталкивающей маской которого зачастую скрывается впередсмотрящий, мужественный эквитист, пытающийся острым словом, насмешкой, эскападой как-то предотвратить последствия деяний владыки. Фигляр, по Владимиру Далю – шуточник, фокусник, скоморох; плут, ловкий обманщик; притворный, двуличный человек. И вот что загадочно и любопытно: йеху–фигляр как пособник бестиариев современности реализует все эти качества для превращения масс в воплощение безликости, узости и плоскости.

Он – скоморох. Но в отличие от симпатичного и человеческого скомороха в любом народном действе йеху-скоморох фиглярничает во имя полного отупления сознания тех, кто его смотрит или слушает. Посмотрите любые телеинтервью с генералами, ежедневно посылающих сотни и сотни молодых солдат и офицеров на бойню в самые неожиданные и чуждые им конфликты. Дабы скрыть зловещий характер происходящего, они наловчились отпускать традиционные солдатские шуточки на уровне фиглярства, не стесняясь надевать на себя маску скоморохов. Аось, полагают они вполне всерьез, аудитория забудет, что взаимоистребление людей – всегда преступно и что ему должен быть когда-то положен конец. А скоморох на парламентской трибуне, который понимает наивность веры человека массы в то, что его «представитель», избранник способен что-то решать на практическом уровне ! Нет, не всякому актеру дано постичь те приемы фиглярства, которыми владеют многие парламентарии, продолжающие упорно и отнюдь не бескорыстно игру в свою личную значительность.

Фиглярами вольно или невольно оказываются те талантливые представители художественной интеллигенции, которые, забыв о своем основном, творческом

призвании, начинают играть на сцене мирового театра роль наемных пешек бестиариев. Они начинают рассуждать о неведомых им социальных интригах и исторических фактах на голубом телевизионном экране, даже не подозревая, что в итоге оказываются действующими лицами дурно пахнущих политических спектаклей. Дабы усилить их воздействие на массы, привыкших чтить кумиров, бестиарии и их ближайшие пособники не жалеют средств для создания эстетического ореола вокруг такого рода художников, снимая их и в кругу королевских семей, и в мире финансовой элиты, и среди звезд спорта. Причем снимая одних и тех же, нудно и настойчиво, используя психологический эффект привыкания. Здесь любопытен и эффект резонанса: загипнотизированные своей популярностью, добытой вне творческой возвышенной деятельности, и втайне опасаясь ее потерять в одно мгновение, подобные фигляры поневоле втягиваются в игру, начинают предлагать свои решения, не понимая всю глубину личного духовного падения на благо бестиариев. Похмелье от подобного временного успеха как правило бывает трагическим в индивидуальном отношении: выжатый лимон уже не лимон...

Фигляр - плут и ловкий обманщик. Стоит хотя бы во имя социальной профилактики ученым – эквитистам создать обобщенный историко–политический труд, отражающий развитие государства в разные периоды и на разном цивилизационном уровне и вскрывающий то безмерное плутовство, которым отмечен путь любого йеху–фигляра к власти или, по крайней мере, во властные структуры всех рангов. Что только он не обещает, в чем только не клянется – и низшим, и высшим в социальной иерархии. Надо будет – и гопака спляшет, и завернет нечто такое, перед чем меркнут обещания Остапа Бендера превратить Васюки в Нью–Васюки, шахматную столицу Вселенной. И вот что поразительно: косная, тупая масса, не просветленная эквитистским сознанием, неизменно оказывается доверчивой, а в итоге – ловко одураченной. Ее последующие стенания и воздыхания ни к чему не приводят, ибо новая и неожиданная для них реальность быстро утверждается как еще один этап на победном пути бестиариев к абсолютной власти. Членам этой массы остается лишь почесать затылки и в кои разы воскликнуть: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!».

Демонический марш йехуистов к окончательному торжеству, к абсолютной власти над миром, все действия бестиариев и их воинства, равно как и поразительное терпение косной массы, разобщаемой демагогами, мутантами и фиглярами, не может не укрепить всеобщее сомнение в том, что человек – венец творения. Сомнение это тем более основательно, что в течение тысячелетий йехуизм складывался, консолидировался в **систему**. Вот почему для ответа на сакраментальный вопрос о перспективах человечества, о возможности в итоге торжества над дьяволиадой Homo divinas, божественного человека я должен от классификационного подхода перейти к систематизации отдельных выделенных типов йехуизма, показать их как единство в разнообразии, как нерасчлененную целостность, как динамичную систему. Цель подобной систематизации – раскрыть качественное своеобразие современной системы йехуизма и ее зловещую, античеловеческую суть.

Здесь позволю себе еще и еще раз напомнить слова Иоанна Богослова о деяниях зверя: «16 И он сделает то, что всем - малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на их правую руку их или на чело их, 17 И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. 18 Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Пророчества потому и пророчества, что их каждый может трактовать по – своему. Не так ли ныне все бросились к пророчествам Нострадамуса, вычитывая в них желаемое и ожидаемое ? Для меня «Откровение» Иоанна Богослова – пророчество прихода дьяволов в человеческом обличье, всего 666 новых владык мира, знаменующих собой торжество зверя – бестиария. А в итоге – превращение йехуизма в мировую систему. Но этому не бывать, ибо есть чистая река воды жизни – неукротимые деяния эквитистов, способных сковать цепями этого зверя на тысячелетия, во имя торжества **Человека как венца творения**.